

Станислав Далецкий

П
Е
Р
В
Ы
Й

И
М
П
Е
Р
А
Т
О
Р

18+

Станислав Далецкий

Первый император. Сборник

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Далецкий С. В.

Первый император. Сборник / С. В. Далецкий — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Повесть об альтернативной истории Руси времен императора Петра Первого с описанием подлинных деяний этого самодержца и жизни его слуги, родившегося в один день с императором и проводшего всю свою жизнь с ним рядом. В книге цитируются подлинные документы и мнения современников Петра, историков и исторических личностей. Содержание книги может представлять интерес любителям истории периода становления Российского государства.

© Далецкий С. В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОР

Рождение

Днем, 30 числа, месяца травника 7180 года от сотворения мира (1672г от Рождества Христова) в царском тереме села Измайловское случился переполох: царица Наталья Кирилловна Нарышкина, по прозвищу Медведиха, будучи на сносях и возвращаясь в Московский Кремль из села Коломенское, почувствовала схватки. Схватки случились внезапно и до срока: видимо растрясло дорогой, что вынудило царский обоз остановиться в Измайловском.

Царицу Наталью холопы перенести в терем и ближний боярин Артамон Матвеев тотчас послал гонца в Кремль за повитухой: при царице был придворный лекарь, немец-латинянин, но ему, иноверцу, по обычаю, никак нельзя было принимать роды у царицы и лицезреть ее наготу.

Родовые схватки не прекращались, но и роды не совершались, когда, два часа спустя, повитуха была доставлена верховым гонцом, который положил бабу поперек седла, приторочил мешок с инструментами и снадобьями и домчал знахарку до крыльца терема, где сбросил ее на руки ожидавшей челяди.

Не мешкая, повитуха кинулась за служкой в покои царицы, которая лежала в безвольной позе, слегка постанывая, когда схватки усиливались – это были ее первые роды, и она еще не знала как себя вести, чтобы роды случились без сложностей.

Повитуха распорядилась нагреть воды, принести чистые простыни и рушники, освободила царевну от одежды, помяла ей живот, осмотрела родильное место и быстро вышла из горницы в сени, где толпились холопы возле боярина Матвеева, ожидая приказов.

– Худо дело боярин, – молвила повитуха, – дитя в утробе не перевернулся и пошел ножками вперед: пока родится, может задохнуться, а то и вовсе застрянет – тогда помрут оба: и дитя и мать-царица.

Почему меня с собой не взяли, когда ехали в Коломенское? Я бы помогла дитю перевернуться в утробе, да и снадобья дала царице, чтобы облегчить роды, а теперь на все воля Божья.

– Смотри, баба, не поможешь царице, быть тебе битой плетью, – пригрозил боярин.

– Потому и предупредила, что мало от меня зависят роды. Можете своего лекаря спросить или назначить: пусть он принимает роды и царицу приведет в смущение, – возразила повитуха и возвратилась в горницу к царице, которая орала благим матом, пытаясь вытолкнуть плод из себя.

В схватках и криках царицы прошло с час времени и, наконец, из родильного места появились ножки ребенка. Повитуха умело ухватила дитя за ножки и медленно потянула его из утробы, надеясь, что головка ребенка не оторвется от ее усилий. Так все и случилось: головка прошла узкое место и ребенок, в слизи и крови, обмотанный пуповиной, выскользнул на подготовленный рушник.

Повитуха отчистила головку дитя от слизи, помяла длинное тельце, дитя шевельнулось, вздохнуло и, наконец, вскрикнуло, оповещая весь белый свет о своем рождении.

Баба отрезала и перевязала пуповину, обмыла ребенка теплой водой, вытерла насухо и, положив на рушник, показала дитя царице, дворовым девкам, и боярину Матвееву, который, услышав детский крик, поспешил зайти в горницу.

Дитя оказалось мальчиком странного облика: маленькая головка и длинное, в аршин, узкое тельце все покрытое редкими черными волосами, которые были почти не видны на смуглой, почти коричневой коже, что вызвало удивление повитухи:

– Сколько принимаю роды, но такого черного и волосатого дитя видеть еще не приходилось. Да и головка совсем маленькая: потому и смог родиться, не повредив головы и не задохнувшись в утробе матери. Теперь будет жить, а года через три определится, не повредила ли голова из-за долгих родов вперед ногами. Если повредила голова, то будут у ребенка судо-

роги и тогда ждет его падучая болезнь и припадки разума или вовсе слабоумие, как у Ивана – сына нашего царя-батюшки Алексея Михайловича от первой жены Марьи Милославской, царство ей небесное.

С этими словами повитуха положила ребенка рядом с Натальей Кирилловной, получила золотой от боярина Матвеева и прошла в соседнюю горницу отдохнуть: все остальное с роженицей и дитем должны были делать дворовые девки и мамки.

Мамки унесли ребенка, Артамон Матвеев прогнал девок и остался вдвоем с царицей Натальей.

– Поздравляю тебя, голубушка, с сыном. Даст Бог вырастет и станет царем, нам на удивление.

– Какой царь, если есть старшие сыновья у Алексея Михайловича? – возразила царица, приходя в себя после долгих родов.

– У царя Алексея было пять сыновей от царицы Милославской. Трех бог уже прибрал – остались Федор и Иван, – молвил Матвеев.

– Ивана можно выставить слабоумным по его душевной простоте, а у Федора здоровье слабое – глядишь и скончается без времени, если помочь: вот твой сынок и получит царский престол, а мы при нем будем. Ладно, отдыхай, ты свое дело сделала. Теперь дитя надо вырастить, воспитать, а там видно будет, что и как сделать, чтобы стал царем, – уходя, напутствовал боярин Матвеев царицу Наталью, которую сам же и познакомил у себя дома с царем Алексеем и предложил в жены овдовевшему царю, что сразу вознесло род Нарышкиных из захудалого дворянства в столбовые бояре.

Суэта в царском тереме затихла: царица родила царевича и день спустя должна вернуться в Кремль, где царь Алексей Михайлович, возвратившись с псовой охоты на волчат, наречет младенца именем, а патриарх Питирим окрестит его по православному обычаю.

Тем же днем, в селце Орудьево, что под городом Дмитровом в 60-ти верстах от Москвы, у монастырского холопа Ивана Малого жена Дарья родила сына, потом нареченного отцом именем Федор.

Еще утром Дарья хлопотала в огороде, поливая колодезной водой грядки с репой, морковью и огурцами и не ожидая родов этим днем, но к полудню, почувствовав боль внизу живота, поняла, что наступило время освободиться ей от бремени, поскольку уже родила двоих детей: сына и дочку, имела опыт и знала, что и как ей нужно делать, чтобы роды прошли успешно.

Повитухи в их селе не было, а послать в соседний Дмитров было некого и не на что: муж Иван с детьми ушел осмотреть сенокосные угодья, чтобы в ближайшие дни начать покос, а если и вернется, то одарить услуги повитухи ему было нечем: все припасы закончились еще месяц назад и семья перебивалась остатками овса и квашеной капусты, которую удалось засолить прошлой осенью: благо, что после отмены царской подати на соль прошло четверть века и соль стала доступна по цене даже захудалому крестьянину.

Корова растелилась и давала молоко, которого едва хватало телят и семье, поскольку нагулять вымя на свежей траве корова еще не успела.

Собрав чистую холстину, которую сама же и наткала зимой на ткацком станке из заготовленной Иваном пеньки, Дарья постелила холст на солому в углу избы, растопила печь, поставила чугунок с водой на огонь, подогрела воду, сняла чугунок, поставила его рядом с приготовленной постелью, разделась до рубашки и легла голая на холстину, готовясь к родам. Напрягшись животом, она ощутила резкую боль, судороги пробежали по телу и, укусив себя за руку, Дарья в несколько минут родила ребенка, словно выплюнула. Это оказался мальчик.

Не мешкая, мать отрезала пуповину, ребенок вздохнул и закричал, а Дарья освободилась от последа, стянула женское место мягким холстом, поверх надела мужские портки, обмыла ребенка, запеленала его в рядно и, облегченно вздохнув, легла на солому, положила ребенка рядом, прижала его сбоку рукой и тотчас уснула, закончив дело.

– Хорошо, что мальчик, Иван будет доволен да и пай земли нам прирежут осенью, – успела помечтать молодая мать, прежде чем сознание ее унеслось добрым сном в тот, иной мир грез, где все люди счастливы и равны перед богом и между собой.

Иван с детьми: сыном пяти лет и дочкой трехлеткой возвратившись с покоса, увидел в избе спящую Дарью, прижимающую к себе ребенка. Удивившись сноровке жены, которая еще утром и не помышляла о родах, Иван, легонько толкнув Дарью, отчего она тотчас проснулась и тихо спросил: – Кого родила-то?

– Сыночка бог послал нам, – похвалилась Дарья.

Хорошо, что сынок, назовем его именем Федор, но плохо, что отец у него холоп и дети наши тоже будут холопами, – ответил Иван, – а все лихоманка виновата, что погубила моих отца с матерью и двух братьев меньших, два года назад. Да еще и конь сдох.

Одни– то мы с тобой не вытянули тягло монастырское на наш двор, вот и пришлось записаться в монастырские холопы, чтобы уменьшить подати дворовые, но лишиться свободы, – огорчился Иван, вспоминая кабальную грамоту, что подписал с монастырским приказчиком в прошлом году. Он, крестьянин тягловый, умел читать и делать свою подпись, чему его обучил зимними днями дьячок из ближней церкви.

– Но все в руках божьих: может еще вывернемся из кабалы: найду захребетников или найму бобылей, распашем следующим годом новый надел и, при хорошем урожае, выкуплю кабальную грамоту и станем мы опять тягловыми крестьянами при монастыре, а не холопами, как ныне.

Ты, Дарья спи-отдыхай после родов и завтра бездельем проводи день, а по хозяйству я сам управлюсь, ну а на третий день, уж не обессудь, пойдем на покос – сенца корове и телочке заготовить на зиму.

Закончив длинную для него речь, Иван вышел из избы к старшим детям, а Дарья снова заснула, подумав, что бог послал ей хорошего мужа:– Работящий, не злобив, и руку на жену не поднимает, если случается у нее промашка. Хотя и вышла она замуж не по пригляду, а по воле отца, но получилось удачно, потому и дети родились хорошие и здоровые и, даст бог, еще детишек прибавится, а уж холопами они будут или крестьянами тягловыми, то будущее покажет.

На третий день после родов Дарья с мужем вышла на покос, а царица Наталья, оправившись после рождения сына, царским обозом въехала в Кремль, где ее встречал царь Алексей Михайлович, сразу же пожелавший увидеть своего сына от молодой жены Натальи.

От умершей жены, Марьи Милославской он имел 13 детей, пятерых из которых прибрал Господь, и ему не терпелось взглянуть на первого ребенка от второй жены.

Мамки принесли младенца в царские покои и распеленали его. Царь с изумлением смотрел на длинного, с несуразно маленькой головкой, темнокожего ребенка с курчавыми иссиня-черными волосами на голове и редкими волосиками того же цвета по всему телу, кроме лица, черные выпуклые глаза на котором, не мигая, смотрели на него.

Оправившись от удивления, царь молвил:– Это не может быть мой сын. В твоей добродетели я, Наталья, не сомневаюсь, значит, младенца подменили недруги, пока ты без присмотра лежала в Измайловском тереме. Позвать повитуху сюда, я учиню ей дознание!

Минуты спустя знахарка-повитуха, что принимала роды у царицы, была доставлена и пала ниц перед царем.

– Сознаться в подмене младенца или пойдешь на дыбу, – крикнул царь Алексей, прозванный в народе «Тишайший» за спокойный нрав и тихий голос.

– Нет здесь моей вины, – оправдалась повитуха. Роды принимала при девках и мамках, дитя всем показала и из горницы не выносила, так что подмена не могла случиться.

Господь дает нам всем облик и душу по своему подобию и то, что младенец черен и отличен от родителей – значит на то воля Божья. Но беды в этом не надо видеть: может дитя

израстется и изменит облик, может будет силен, умен и добр и прославит царя батюшку и царицу на все времена— главное, что дитя здорово и высасывает из кормилицы молочко до последней капли — как бы вторую кормилицу не пришлось приводить, значит дело свое я сделала хорошо, мать и дитя здоровы, чего и царю-батюшке желаю, — снова упала повитуха на колени перед царем Алексеем, ожидая решения своей участи.

Царь от этих слов повитухи успокоился и снова, осмотрев ребенка и не найдя в нем никакого сходства с собой и царицей Натальей, уже без надрыва спросил:

— Нечто так бывает, чтобы дитя было не в родительскую масть, словно подкидыш? Знаю, что при женском блудстве такое встречается, но царица Наталья в блудстве не замечена, и грех возводить на нее напраслину.

— Бывает, царь-батюшка, по— всякому бывает, — воспрянула повитуха, почуяв, что угроза почти миновала и не ждать ей плетей и пыток.

— Я много родов принимала и помнится случай, когда у соседской стрельчихи родилась девочка с раскосыми глазами, словно басурманка. Так оказалось, что бабка этой стрельчихи и была басурманкой. Еще случалось принять роды здесь, в Китай-городе, там и вовсе дитя родилось с двумя головками, но не живое — бог души не дал.

От этих слов царь, сменив свой гнев на милость, приказал дать повитухе рубль серебром, облобызал царицу молодую, к которой весьма благоволил и ушел по государевым делам.

Царица, повитуха и девки дворовые перекрестились, с облегчением, а дитя зачмокал губами и не найдя соска груди вдруг закричал благим матом, посинел и головка его задергалась в левую сторону, сразу насторожив знахарку.

— Видно случилось ему повредиться от неправильного рождения ножками вперед и, возможно, будут потом припадки или вовсе падучая болезнь, когда человека бьют судороги, он падает, корежится и пена белая изо рта течет,— подумала опытная повитуха, но ничего говорить не стала: одна гроза прошла над ее головой, а другая может и снести ей голову от известия о припадочном недостатке у царского дитя.

Впрочем, дитя, захватив сосок груди кормилицы, перестал дергать головой и жадно сосал грудь, так что молочко вытекало помимо рта.

— Как наречете младенца? — спросила повитуха, пряча полученный рубль за пазуху.

— Царь передал через боярина Матвеева, что имя дитю будет Петр, в честь апостола Петра, хранителя ключей от райских ворот, — оживилась царица Наталья, не ожидавшая недовольства царя от вида ребенка, да и сама немало дивившаяся несуразным обликом сына. Но это был ее сын-первенец и в голове молодой царицы уже бродили мысли как бы сделать сына царем, поперек старших сыновей царя Алексея от прежней жены Марии Милославской, которую Наталье видеть не пришлось, но которую она ненавидела за многочисленное потомство от царя Алексея Михайловича.

— Померла бы Мария бездетной или народила бы только девок, и был бы мой Петруша первым наследником престола, а не третьим в очереди, как сейчас, — размечталась царица, но тотчас выбросила эти пустые мысли из головы: сыну минул только третий день жизни и пройдут годы, когда он сможет бороться за престол, но до тех времен долгих надо дожить и ему и ей.

На этом рождение царевича и успокоилось: к несуразному виду ребенка привыкли, тем паче, что редкие волосы покрывающие его тело, спустя дни отпали, да и личико немного посветлело, когда ребенок начал кормиться молоком.

Спустя положенное время царевича крестил патриарх Питирим и нарек его Петром, по желанию царя Алексея, при большом стечении ближних бояр и служивых людей.

В эти дни в дальнем селе Орудьево был крещен и крестьянский сын Ивана и Дарьи Малых под именем Федор, но не в честь святого, а в память о своем деде, как пожелал Иван.

Два младенца родились на русской земле в один день, но в разном положении изначально: один в семье правителей, другой в семье холопов, хотя Господь, согласно Писанию, создал людей равными перед ним и между собой.

Люди быстро нарушили это равенство и тогда Господь, за их грехи, напустил на землю Потоп, от которого все люди погибли и уцелел только праведник Ной со своим семейством. Это семейство начало плодиться и скоро опять люди разделились между собой по положению и одни люди стали владеть другими, как владеют вещью.

Царь Алексей Михайлович – «тишайший», окончательно, своим указом, закрепил одних людей – холопов, за другими людьми – боярами и дворянами, а также церковью, которая признавая всех людей равными, сама владела и землей и людьми, хотя и земля и люди – суть творения Божьи и только Бог владеет ими.

Младенчество

После рождения царевича Петра жизнь в Кремле быстро вошла в привычное русло: царь Алексей занимался немного делами государства Московского, много – соколиной охотой и предавался чревоугодию, до которого был весьма охоч и потому был тучен, неповоротлив и задыхался при ходьбе. Лишь изредка царь навещал покои молодой жены Натальи, хотя и был пристрастен к богоугодному делу.

Первые месяцы после рождения сына царь Алексей иногда заходил в покои царицы посмотреть на своего сына Петра, всякий раз поражаясь несуразности вида младенца: голова его оставалась маленькой, словно у новорожденного, но тело удлинялось и удлинялось, а руки и ноги оставались короткими. Большие, черные, навывкате, глаза малыша смотрели в упор не мигая, когда бородатый отец приближал свое лицо к младенцу, чтобы внимательнее рассмотреть своего сына.

– В кого он такой уродился? – не переставал удивляться царь Алексей, – кожа черная, глаза басурманские, волосы чернявые с отблеском, словно у вороного крыла, да и по телу вытянулся, будто змей, – говорил он царице Наталье.

Однако, долго смотреть на ребенка не приходилось: увидев незнакомое лицо, царевич начинал орать и биться в судорогах, прибегали няньки и кормилицы, числом две, ибо малыш отличался исключительной прожорливостью и молока от одной кормилицы ему не хватало, чтобы насытиться, забирали и уносили младенца для кормления, оставляя царя с царицей наедине.

– Я тут приказал дьяконам поискать в записных книгах родословную Нарышкиных и выяснилось, что в твоём роду, Наталья, был не то черный караим, не то хазар иудейской веры, по имени Исаак – вот его обличье, видимо, и передалось через тебя нашему сыну: не дай бог царский престол окажется в его руках – басурманская кровь даст о себе знать и царство Московское будут тогда ждать великие потрясения.

И то сказать: среди моих детей, если не считать дочь Евдокию, которая родилась и через два дня отдала богу душу – едва успели ее окрестить в православие, чтобы предстать перед Господом, царевич Петр будет тринадцатым моим ребенком, а всем известно, что число тринадцать – это не число бога, а число зверя, потому и называется чертовой дюжиной.

Царица Наталья на такие слова мужа не отвечала, а отвлекала его каким-нибудь пустяшным разговором или говорила, что сынок Петруша израстется со временем, как и все дети, и будет совсем другим с виду, но и сейчас он смотрит внимательно, весьма подвижен, и сосет грудь хорошо, потому что здоров.

На этом встреча царя с младенцем Петром заканчивалась, а царевна ластилась к мужу и обещалась навесить его вечером в царской опочивальне – если царь будет не против. Царь бывал не против встречи с молодой царицей, ибо, несмотря на тучность и возраст, был пристра-

стен к плотской утехе, помня Божью заповедь: «идите, плодитесь и размножайтесь» к людям и тварям земным, морским и небесным.

В одно из таких посещений, когда царь Алексей снова разглядывал своего несуразного вида сына, тот вдруг срыгнул молоком кормилицы прямо в лицо склонившегося над ним отца, облив бороду, уши и царское облачение, а потом залился громким плачем и начал дергать своей маленькой головкой словно припадочный. С этого случая, Алексей Михайлович перестал подходить к сыну при посещениях царицы Натальи, а та, от греха подальше, отправила сына с няньками и кормилицами в село Коломенское, где изредка навещала его, поскольку ожидала рождения следующего ребенка, которым оказалась дочь, нареченная Натальей, по настоянию царя Алексея Михайловича весьма благоволившему к своей молодой жене, несмотря на вздорность ее характера и небольшой разум.

Такой порядок сохранялся три года, когда неожиданно, зимой 7184 года от сотворения мира, царь Алексей Михайлович скончался по причине своей тучности.

На престол Московский был венчан старший сын Алексея Михайловича – Федор Алексеевич: пятнадцати лет от роду, весьма болезненный, если верить свидетельствам современников.

Царевичу Петру в это время было уже почти четыре года, но он продолжал сосать грудь кормилицы, ходил с трудом на маленьких ножках и говорил невнятно.

С воцарением Федора Алексеевича – по матери из рода Милославских, Наталья Кирилловна была выпровождена из Кремля в ближнее село Преображенское, где и проживала далее с сыном Петром и дочерьми Натальей и Феодорой, которая умерла через два года, четырехлетней.

Болезненность царя Федора не помешала его женитьбе на дворянке Грушецкой из Смоленска, который долгое время находился под польским владычеством и был возвращен под Московскую власть царем Алексеем Михайловичем.

Болезненность детей мужского пола от царя Алексея и Марии Милославской вызывает большие сомнения в естественности, объясняемой скорбутом (цингой) ибо дети женского пола были вполне здоровы, а царский стол был изобилён овощами и фруктами, отсутствие которых и приводит к цинге. История не дает ответа на этот вопрос, но отравления свинцом, мышьяком или ртутью соперников в борьбе за престол широко практиковались в царских семействах Европы и Азии, а симптомы болезни при таких отравлениях весьма похожи на симптомы цинги.

Видимо, под влиянием жены, царь Федор ввел при дворе польские обычаи брить бороды и носить польское платье, запретив появляться в присутствии в охабнях. Часть стрелецкого войска он перевел на иноземный лад в полки, где были отменены назначения командиров по разрядным книгам, которые учитывают чины предков, но не учитывают личные качества воина. Взамен разрядных книг были введены родословные книги, подтверждающие происхождение.

В браке царя Федора с Грушецкой, на пятом году его царствования, родился сын, умерший на десятый день после рождения, а затем скончалась и мать ребенка. Через полгода Федор вновь женился на девице Апраксиной, но не успев завести детей, скончался спустя три месяца.

На пути к царскому престолу у царевича Петра оставался только младший брат, Иван, тоже, якобы, болезненный, но сам Петр к этому времени едва достиг десятилетнего возраста, не умел читать и писать и с трудом сохранял равновесие при ходьбе, поскольку вытянулся ростом с взрослого человека, но имел маленькие ноги, при несуразно длинном туловище, мешавшем равновесию, а потому он почти бежал при движении, резко меняя направления.

Как и полагается царским детям, Петру в пять лет назначили воспитателем подьячего Зотова для обучения грамоте и письму, но басурманская кровь не давала малышу усидеть на

одном месте для усвоения учения и потому, не заучив и одной буквы, он срывался с места и убегал от учителя, который вздохнув, тянулся к чарке с вином, до которого был пристрастен.

Убежав от наставника, Петр присоединялся к карликам, проживавшим в усадьбе для развлечения царевича, ибо сверстников детских игр у него не было. Мальчик таскал карликов и карлиц за волосы, пинал, радуясь их неуклюжести и уродству и потому, в будущем, всякое уродство вызывало у него интерес и любопытство.

Такое времяпровождение царевича Петра не способствовало его умственному развитию и к десяти годам он играл в игрушки, изготовленные Зотовым в минуты просветления от пьянства, словно трехлетний ребенок.

Известие о смерти царя Федора Алексеевича застало царицу Наталью врасплох, но не даром при дворе ее звали Медведихой: подняв родственников и уговорив Патриарха, Нарышкины, при поддержке думских бояр, провозгласили царем десятилетнего Петра, в обход старшего брата – пятнадцатилетнего Ивана, ссылаясь на слабое здоровье и скудоумие последнего, хотя и Петр по своему развитию не превосходил брата Ивана.

Тихое слабоумие царевича Ивана не препятствовало его избранию царем, как старшего сына царя Алексея: за сто лет до этого слабоумным царем был Федор – сын Ивана Грозного и довольно успешно царствовал тринадцать лет с помощью боярина Бориса Годунова. При нем была отвоевана у шведов часть Прибалтики с крепостями Орешком, Нарвой и Иван-городом, включая и устье реки Невы.

Род Милославских избрание царем Петра не устроило и, воспользовавшись стрелецкой смутой, сторонники Милославских ворвались в Кремль, убили нескольких стрелецких полковников и начальника стрелецкого приказа князя Долгорукого.

Стрельцы кричали, чтобы им показали царевича Ивана, якобы убитого Нарышкиными и Наталье Кирилловне пришлось показать обоих царевичей с крыльца.

Царь Петр держался за своего дядьку Артамона Матвеева, которого стрельцы вырвали из руки мальчика, державшего дядьку за бороду, и скинули вниз с Красного крыльца на копья стрельцов. Петр, с испугу, обмочился и с тех пор при виде толпы вооруженных людей его всякий раз охватывал панический страх, заставляя убегать и прятаться. В этот раз Петр убежал во внутренние покои дворца, где и спрятался.

Стрелецкие волнения продолжались несколько дней, и в итоге царевич Иван тоже был провозглашен царем вместе с Петром, причем Иван был первым царем, а Петр – вторым.

Наконец, стрельцы объявили, что ради юных лет обоих государей, правление вручить сестре их Софье.

Софье – старшей сестре царей Ивана и Петра, было 25 лет, она была умна и энергична, многому научилась за годы царствования своего брата Федора и после долгих уговоров она согласилась сделаться правительницей. «Для совершенного же во всем утверждения и постоянной крепости» она повелела во всех указах имя свое писать вместе с именами царей, не требуя другого титула, кроме «великой государыни, благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны».

Софья прекратила стрелецкую смуту, выплатив стрельцам задержанное жалование, назначила начальником Стрелецкого приказа князя Хованского, расставила по должностям своих родственников Милославских и отправила царицу Наталью вместе с царем Петром в село Преображенское, где он продолжал свои игры с деревянными игрушками, среди которых солдатики, мечи, пушки и копья занимали основное место.

Копьями десятилетний царь подкалывал лилипутов, окружающих мать Наталью, и бил их мечами, иногда причиняя увечья, чему всегда радовался – басурманская кровь неведомого предка Исаака пробудилась в царственном отпрыске и требовала жестокости, выражаемой на беззащитных слугах.

Несмотря на неразвитость разума, десятилетний царь Петр прекрасно понимал свое высшее положение, позволяющее безнаказанно совершать жестокие выходки и поступки ко всем окружающим его людям, независимо от их возраста и положения.

Пока в Москве сменялись цари, а их родичи бились за места при дворе, проталкивая в наследники Петра от рода Нарышкиных и Ивана от рода Милославских, в сельце Орудьево подрастал у холопа Малых сын Федор, рожденный холопкой Дарьей в один день с царевичем Петром.

К пяти годам от роду Федя летом уже пас скотину на дальнем выгоне, помогал матери в огороде, а зимой сучил пеньку, из которой мать пряла холст, чтобы пошить рубахи и портки мужу и детям, числом пять, поскольку за эти годы родились еще двое мальчиков, образовав семью из семи человек, что и означает слово: семь-я.

В шесть лет Федя упросил отца, чтобы дьяк из сельской церкви научил его грамоте.

Просьба была редкостной, но отец, видя смысленность сына, похлопотал за мальчика перед дьяком и тот, за пять куриц в зиму, согласился научить Федю грамоте по Псалтырю – если мальчик будет способен к обучению.

Федя оказался прилежным учеником: в месяц выучил буквы, в два уразумел складывать буквы в слова и к пасхе уже бойко читал по слогам молитвы из Псалтыря, удивляя дьяка такой прыткостью.

– Надо бы тебе, Иван, научить мальчонку грамоте по-настоящему, по учебным книгам – уж больно сообразителен малец, – говаривал не однажды дьяк холопу Ивану, когда тот иногда приглашал его в хату и поил брагой, до которой дьячок был весьма охоч.

– Да, грамота сможет Федьке выбиться из холопов в люди и нас вытащить из нужды: ваша монастырская братия стрижет крестьян почище царских приказчиков, но нет у меня ничего, чтобы платить за обучение, горестно вздыхал Иван, поднося дьяку очередную кружку браги, замороженной на лесных ягодах.

– И то хорошо, что вы, батюшка Ипполит, обучили за зиму Федю чтению и счету, а на будущую зиму, если даст бог, то и письму обучите, а там я обращусь к настоятелю Новоспасского монастыря, у которого я с семьей холопствую и может быть настоятель пристроит мальчика к чистой работе, где нужны чтение и письмо, а не то и вовсе отправит Федю в Москву помогать в церковных службах, – вслух мечтал холоп Иван о судьбе своего сына Феди, пока дьяк Ипполит наливался брагой по самые ноздри: что-что, а выпить хмельного он любил без меры, от чего обитал в дьяках и не был рукоположен в священники.

Действительно, следующей зимой семилетний Федя обучился письму, срисовывая буквы в церковных книгах и в «Домострое», что дал ему священник, увидев стремление холопского сына к грамоте.

Навострившись чтению и письму, Федя с восьми лет начал петь на клиросе, по воскресным службам, зимой, но летом, в страду уже работал наравне с отцом и старшим братом в полях, на покосе и во дворе по хозяйству. Летом крестьянскому сыну не до пения на клиросе – всегда есть работа для мальчишеских рук, зато зимой много свободного времени и Федя продолжал, уже самостоятельно, учиться в улучшении письму и чтению, не забывая про арифметику, в которой обучился дьяком не только счету, но и простым арифметическим действиям.

Однажды, когда Феде минуло девять лет, дьяк Ипполит, по – пьяни, рассказал о грамотном мальчишке настоятелю монастыря, при котором семья Малых находилась в холопах, и настоятель распорядился привести мальчика в монастырь для услужения себе, если приглянется.

Федя к своему возрасту был приятный на вид русоволосый, голубоглазый мальчик, правильного сложения и настоятель оставил его при себе, чем изрядно огорчил отца мальчика – холопа Ивана, рассчитывающего на помощь Феди по хозяйству, как на взрослого.

Но против хозяина не попрешь и Иван, простившись с сыном, покинул монастырь в Дмитрове и возвратился в свое село, сообщив жене Дарье, что их сын Федор пошел своей холопской дорогой по жизни, отдельно от семьи.

Дарья немного всплакнула и успокоилась, в надежде, что сыну достанется лучшая доля, чем холопствовать на монастырской земле и может быть, через свою грамотность он поможет и отцу с матерью, сестре и братьям выбиться из холопства, снова стать надельными крестьянами, ярмо которых много легче, чем у монастырских холопов.

Целый год Федя прожил в монастыре: вначале мальчиком на посылках и в услужении немощным монахам, а затем его взял к себе в служки сам настоятель монастыря.

Иван да Дарья несколько раз навещали сына и радовались его устроенной жизни, в которой Федя продолжал свое обучение, пока однажды, наведываясь в монастырь, не узнали, что их Федя отправлен настоятелем в Москву на патриарший двор в услужение церковным иерархам.

До Москвы было 70 верст, однако, поздней осенью Иван собрался навестить сына в Москве, запряг единственного коня в сани, едва выпал снег, загрузился битой птицей, в надежде выгодно продать ее в столичном городе, и отправился в путь.

Добравшись до Москвы, Иван продал птицу на Мясницкой улице, что возле Кремля, отыскал патриарший двор, куда его не пустили стражники– стрельцы, и спросил у пробежавшего служки – тоже мальчика лет десяти, не знаком ли ему сверстник по имени Федор– родом из-под города Дмитрова.

На удачу, оказалось, что Федя знаком этому служке и на церковных службах они даже стояли рядом на клиросе, но еще летом этого Федю отправили куда-то, а куда – это служке неизвестно. Иван сильно огорчился, не встретившись с сыном, но разыскивать его далее не решился и возвратился домой, так ничего и не узнав. Сына Федю родители потом много лет не видели и ничего о нем не слышали.

Им не довелось узнать, что сын Федя прослужил благополучно у настоятеля монастыря полгода, когда настоятель стал склонять мальчика к содомитскому греху. Мальчик оказался довольно сильным, знал о содомитском грехе из Евангелия, что Господь сжег города Содом и Гоморру именно за содомитство, а потому отверг притязания настоятеля монастыря. Чтобы случай не получил огласки, настоятель тотчас отправил мальчика в Москву на патриарший двор в услужение.

Патриарх Иоаким был сторонником Петра, при избрании его на царствие, и после стрельцкой смуты, вызвавшей к царствию двух царей: Ивана и Петра при управительнице Софии, вынужден был помазать на царствие обоих братьев. Патриарх, случайно встретив Федю на своем подворье, и поговорив с мальчиком, удивился его грамотности и решив, что этот малец может быть полезен царю Петру для обучения грамоте, отправил Федю в село Коломенское с письмом к Наталье Кирилловне, в котором дарил мальчика царю Петру для услужения.

Так крестьянский сын Федор, родившийся в один день с царевичем Петром, оказался в царской усадьбе села Коломенское и поступил в услужение к царице Наталье, которую ближние бояре между собой называли Медведихой за вспыльчивость, злобность характера и стремление напролом, по-медвежьи, сделать сына Петра единственным и полноправным правителем Московского царства, несмотря на его детский возраст.

Встреча

Жарким августовским днем, когда солнце стояло в зените на безоблачном небе, обжигая своими лучами дворовые постройки и раскаляя землю до нестерпимости так, что зелень травы во дворе поблекла и пожухла, царица Наталья Кирилловна сидела под холщовым навесом с тыльной стороны царского терема в селе Коломенское.

В тени навеса тоже было жарко и душно, горячий воздух разморил грузную Медведиху, как называли за глаза царицу вся дворня и даже родственники Нарышкины, и она, простоволосая, в одном сарафане, попивала квас, доставленный сенной девкой из ледяного погреба, а потому холодный до зубной ломоты.

Ледяные погреба устаивались во всех усадьбах и даже крестьянских дворах: где-нибудь на задворках, вырывался глубокий погреб, зимой он набивался снегом почти доверху, снег поливался водой, замерзавшей на морозе, и к весне образовывался подземный ледник, в котором лед, постепенно подтаивая, сохранялся до глубокой осени.

Над таким погребом обычно устраивалась клеть, сохраняющая погреб от солнечного света и тепла, а дверь в погреб еще заваливалась и соломой. В таких погребах, на льду хранились запасы мяса, рыбы и других продуктов, не терпящих длительного хранения в тепле летних дней. Холодным квасом из ледяного погреба и баловала себя царица Наталья, изнемогая от августовской жары, редко случавшейся в этих местах.

Весь царский двор был в Коломенском и царица Наталья могла бы найти занятие по душе: давать указания дворне или обсуждать государственные дела с ближними боярами, но всем заправляла царевна Софья – соправительница при малолетних царях Иване и Петре, а царица Наталья на дух не переносила Софью, считая что именно она, царица Наталья, и должна бы править при малолетних царях, но стрельцкие полки под началом князя Хованского решили иначе, провозгласив правительницей Софью.

Однако, стрельцкие волнения не утихали и после коронации царевичей Ивана и Петра, случившейся в июне месяце и теперь уже правительнице Софье приходилось усмирять стрельцов, чтобы удержать власть в своих руках и не дать начальнику стрельцов князю Хованскому захватить власть себе, о чем гласило подметное письмо, подброшенное царевне Софье. Именно поэтому царевна Софья удалилась в августе со всем двором и обоими царями в село Коломенское подальше от бушующих стрельцких полков.

– А чем, Петруша, сейчас занимается? – спросила Наталья Кирилловна доверенную тетку-наушницу, что собирала придворные слухи и сплетни и доносила их до царицынских ушей, снова пригубив жбан с квасом и вытирая пот с лица чистым рушником.

– Давеча гонял кошек во дворе и бил их камнями, а которая падала, той горло резал кинжалом и смотрел пока не сдохнет, а чем сейчас тешится, то мне не ведомо, – отвечала тетка.

– Как бы Петруша кинжалом тем не порезался, – встревожилась царица Наталья, – а все брат мой, Иван Кириллович снабжает царя оружием: хоть и потешным, детского размера, но все равно опасным для десятилетнего царя.

– Так это по годам ему десять лет минуло, а ростом он уже с юношу, лет шестнадцати, – возразила тетка на опасения царицы. – Если будет царь Петр тянутся ввысь так и дальше – быть ему выше всех нас и дядей его, и бояр и стрельцов из стремянного полка, что охраняет царский двор здесь в Коломенском.

– Да, Петруша вытянулся ростом с юношу, а положением царя он и вовсе выше нас всех, даже меня – своей матери, – горделиво сказала царица. – Жаль грамоту еще не освоил, но даст бог войдет в разум, научится грамоте и возьмет царскую власть в свои руки и Софью удалит со двора, – размышлялась царица, но быстро осеклась, поняв, что сказала лишнего. Непременно кто-нибудь да и донесет до ушей Софьи эти слова.

– Вы бы, матушка, приструнили царя Петра: негоже бить и мучить кошек, – попросила тетка, но была оборвана царицей:

– Петруша царь и волен делать что хочет, а царская власть требует жестокости даже к людям близким. Видно коты обнаглели, бегают по терему где хотят, может помочились царю в сапожки, вот он и учит их уму-разуму, – возразила царица и увела разговор в сторону:

– Что слышно здесь о бунте стрельцов и чем занимается царевна Софья?

– Московские стрельцы послали выборных к царевне Софье и клянутся ей в верности. Сам князь Хованский приезжал нынче в Коломенское, бил поклоны Софье и пугал новгородцами, что замышляют поход на Москву, только Софья не больно-то поверила ему и хочет увезти двор из Коломенского подальше от Москвы, может быть в Троицкий монастырь, за стенами которого никакие бунты не страшны, – поделилась тетка секретами и продолжала:

– Чуть не забыла. Намедни патриарх прислал в дар монастырского холопа – мальчика, в услужение Вам или царю Петру. Малец этот ровесник царя, обучен грамоте и может быть полезен царю Петру в обучении: холоп грамотен и ему царю надо быть грамотным – глядишь за играми и забавами и Петр обучится грамоте, – пояснила тетка, которую царица звала попростому – Машка.

– И то дело говоришь, – оживилась царица, – вели кликнуть мальчонку сюда, посмотрю годится ли он в помощь моему Петруше: может кривой какой или убогий, коль грамоте учился.

Машка послала сennую девку за мальчиком и минуты спустя холоп Федя предстал перед царицей: простоволосой и раскинувшейся в бесстыдном положении на подушках широкой скамьи. Федя, обученный в монастыре и на патриаршем дворе, уже знал, что представ перед господином, следует поклониться и смиренно ждать распоряжений, что он и сделал, низко поклонившись грузной женщине, лежавшей на скамье в одном сарафане, широко раскинув толстые оголенные ноги, при посторонних, чего его мать, Дарья, никогда не позволяла даже при своих малых детях.

Вид мальчика и его смиренная покорность понравились царице и она спросила холопа, прихлебывая холодный квас:

– Говорит тетка Мария, что ты грамоте весьма разумеешь, так ли это?

– Монастырских книг уже много прочел, Псалтырь не единожды и письмом владею, но иногда ошибаюсь в написании имен святых апостолов, – ответил Федя.

– А что еще можешь?

– Умею прислуживать монахам в монастырской трапезной, был на побегушках у настоятеля монастыря, а раньше помогал тятю в поле и по хозяйству, – простодушно поделился Федя своими навыками.

– Это хорошо, что ты обучен и грамоте и услужению, – одобрила царица слова мальчика, – как тебя кличут-то?

– Федором называли отец с матерью, потому и кличут меня Федей или Федькой: как придется.

– Чего бы ты хотел, Федя, если бы могло исполниться твое желание, как в сказке про Емелю и щуку? – продолжала царица Наталья расспрашивать мальчика, прежде чем решить – как им распорядиться впредь.

– Хотел бы вернуться домой к отцу с матерью и помогать им в крестьянском деле, а после когда вырасту, хотел бы обучиться книжному делу и делать книги, – откровенно ответил Федя на слова царицы.

– Ты холоп и домой сможешь вернуться когда хозяин позволит, а хозяином у тебя будет царь Петр – мой сын, которому тоже десять лет, как и тебе: но он царь по рождению, а ты холоп по рождению и, поэтому, должен верно служить царю, исполнять его повеления и когда-нибудь, если будет царская воля, Петр разрешит тебе повидаться с отцом и матерью, – благосклонно пояснила царица и распорядилась проводить холопа Федю к царю Петру в услужение.

Тетка нашла Петра во дворе: он сидел под деревом и что-то мастерил из веревки. Сказав Петру, что мать прислала ему в услужение холопа Федю, тетка удалилась, оставив мальчиков наедине.

Петр вскочил, с интересом осмотрел Федю со всех сторон и снова уселся под деревом.

– Ну что стоишь, будто пень, – недовольно сказал Петр, продолжая возиться с веревкой, – иди, помоги сделать узел на веревке, чтобы получилась петля. Хочу собаку повесить на этой

петле, вот эту, что лежит рядом, – и он погладил собаку по голове, на что она благодарно вильнула хвостом.

– Зачем собаку вешать? – удивился Федя. – Это божья тварь, собаки служат людям и даже у святых апостолов были собаки, я читал об этом в Евангелии.

– Ты читать умеешь? – удивился Петр.

– Да, умею и еще писать умею, и счет в арифметике понимаю, – по-мальчишески горделиво ответил Федя и тут же пожалел о сказанном.

– Ты прислан мне в услужение, а не грамоте обучать и потому помогай повесить собаку, не то прикажу дать тебе плетей, – крикнул Петр, с досады бросив веревку, петля на которой никак не получалась.

Федя уже пробовал плетей по спине, когда отказал настоятелю монастыря в содомском грехе, за что и был бит плетями, но будто– бы за послушание настоятелю снять сапоги, а не за отказ в содомитстве, а потому он поднял веревку и ловко завязал узел, через который протянул веревку так, что образовалась петля.

– Ага, побоялся плетей, – воскликнул Петр – я есть царь и меня все должны слушаться и повиноваться. Теперь накинь петлю собаке на шею и перекинь веревку через сук, и потом будем вдвоем вешать собаку, подтягивая веревку вниз за свободный конец.

– Нет, вешать собаку я не буду – это грех будет, – отказался Федя.

– Ну, как знаешь, – успокоился Петр в предвкушении собачьей казни. – Только соратником ты мне никогда уже не будешь: слаб характером и царю угодить не желаешь – я таких не жалую своей милостью.

Не обращая больше внимания на Федю, царь Петр перекинул веревку через нижний сук березы, под которой лежала дворняга, высунув язык от жары и доверительно поглядывая на мальчиков, которых считала человеческими детенышами и доверяла им.

Петр подошел к собаке, снова почесал у нее за ухом, потом накиннул ей петлю на шею и, отойдя к березе, начал тянуть веревку вниз перебирая короткими руками.

Собака удивленно встала и пошла вслед за веревкой, полагая, что ее просто привязывают к дереву эти человеческие детеныши.

Наконец веревка натянулась усилиями Петра и потянула собаку вверх. Петля затянулась, собака взвизгнула и повисла на петле, судорожно суча лапами и пытаясь освободиться от петли.

Федя стоял молча, не решаясь помешать царю Петру. Собака дергалась в петле еще довольно долго и, наконец, затихла от удушья.

Петр выпустил веревку из рук, собака упала на землю, но не ожила, как надеялся Федя, а лежала неподвижно.

Феде и раньше случалось, помогая отцу-матери по хозяйству, рубить головы курицам, чтобы мать приготовила праздничный обед, но чтобы просто так погубить живую тварь – такого не приходилось и он горестно стоял, в оцепенении чувств, поглядывая на мертвую собаку, которая совсем недавно лизала мальчикам руки.

Петр совершив задуманное удушение собаки, напротив, был оживлен, весел и неожиданно, спустив штаны, присел рядом с задушенной собакой, справляя нужду – это случалось с ним частенько при виде крови или казни людей, а сейчас он сам казнил собаку и оттого, почувствовав позывы к опорожнению, бесстыдно присел рядом с загубленной тварью, не обращая внимания на людей снующих по двору.

Закончив дело, Петр повелительно приказал Феде: – Эй, холоп, подотри мне задницу, а не то прикажу дать тебе батога за послушание.

– Приказ царя был унизителен мальчику, но послушание грозило тяжелым наказанием, и Федя ответил смиренно: – Чем же мне вытереть, если у меня только одна рубаха и есть.

– Вот рукавом рубахи и вытри царю задницу, если тряпочки никакой нет, – развеселился царь-мальчик.

Услышав о тряпочке, Федя вспомнил, что у него за поясом заткнута тряпица, в которую ему монашка завернула кусок хлеба в дорогу, отправляясь сюда на царский двор в Коломенское.

Достав тряпицу, мальчик-холоп неумело подтер зад мальчику-царю и выбросил тряпицу под березу, рядом с задушенной собакой. Царь Петр поддернул штаны и весело расхохотавшись над угрюмым видом холопа, сказал: – Царя все должны слушаться, и быть тебе отныне моим золотарем, чтобы подтирать мне зад, менять портки – если обмочусь и выносить горшок из моей спальни.

Поэтому ты будешь всегда при мне и всегда сзади. Мамка приставила ко мне дядьку-золотаря, но он не ловок и мне не нравится, а ты половчее будешь и моего возраста – так я мамке-царице и скажу, чтобы оставила тебя при мне золотарем. Будем вместе расти: я – царем, а ты холопом и когда я буду править самостоятельно, без царевны Софьи, то может быть, определю тебе другую службу, если прежде ты не провинишься и тебя не забудут батогами по моему приказу. А теперь пошли к царице, я дам ей указание про тебя, – закончил Петр и пошел прыгающей петушиной походкой к своей матери, а Федя, понурясь, следовал за ним, исполняя царскую волю: такова холопья доля – повиноваться господину во всем, даже если господский приказ противен человеческой натуре и православной душе.

– Терпи Федя господскую волю, напутствовал сына отец Иван, провожая мальчика в услужение к монахам монастыря, – Бог терпел и нам велел, гласит крестьянская присказка. Народ много раз поднимался против господ, но всегда это кончалось плохо для людей. Совсем недавно, при царе Алексее Михайловиче, атаман Стенька Разин поднял народ против господ и что: много людей было убито и казнено и Стеньку Разина четвертовали, а господа остались и еще крепче народ зажали. Может когда-нибудь, через грамотность, народ и снимет со своей шеи господ, но нам с тобой до тех времен светлых не дожить на грешной земле, но, даст Бог, мы будем смотреть с небес на хорошую жизнь тех людей, а пока будем повиноваться господской воле, чтобы жить и детей своих растить.

Потому, помня отца, и повиновался холоп Федя царской воле злого царя-мальчика, повесившего добрую дворнягу и заставившего подтирать ему задницу.

Царица Наталья, выслушав Петра, одобрила назначение холопа Федю царским золотарем и наказала холопу, чтобы он кроме обязанностей золотаря еще и грамоте обучал царя вместе с дьяком Зотовым: глядишь в две руки, старый и малый, и обучат Петра грамоте.

Так мальчик-холоп Федя стал слугой при мальчике-царе Петре. Прежний золотарь – здоровенный мужчина был отправлен в свинарник в селе Преображенском, а Феде подобрали одежду царского слуги по размеру, снабдили сумкой, где были тряпки, бутыл с водой и запасные портки для царя Петра. Постельничий царя показал его спальню, горшки и прочие места, необходимые золотарю для выполнения его обязанностей и утром следующего дня Федя приступил к своим неприятным обязанностям: подтирать царю задницу, и выносить за ним ночные горшки. Мальчику выделили тюфяк в углу людской комнаты, которая и стала ему местом жительства.

Следующие несколько дней прошли спокойно: Федя всегда следовал за царем Петром в некотором отдалении и, если тот неожиданно справлял нужду, а царь мог это делать в любом месте двора и даже в комнатах царского терема, Федя делал свое дело, убирая испачканные тряпки в отдельную сумку, чтобы потом, с оказией, выкинуть их в один из нужников во дворе, и продолжал следовать за царем, который метался по двору и терему, словно осенняя муха по окну.

Тщетно дьяк Зотов пытался остановить Петра для обучения грамоте: царь не мог усидеть на месте и минуты и, повторив за дьяком новую букву несколько раз, прекращал занятия и убегал из горницы во двор, отчего дьяк Зотов огорчался и прикладывался к бутылке с вином, до которого был весьма охоч.

Зотов, убедившись, что Федя читает всякую книгу весьма бегло, приказывал мальчику прочесть что-либо из «Домостроя» в присутствии Петра и говорил с укоризной: – Видите, Ваше Величество, холоп-мальчик понимает чтение и письмо, а потому негоже царю не владеть грамотой и быть ниже холопа, – на что Петр отвечал: – Я есть царь, и мое дело приказывать, а бояре и слуги, если надо, и прочтут мне и напишут указ мой, а подпись свою я уже умею ставить, и не смей меня попрекать холопом Федькой – не то прикажу обоим дать плетей.

Дьяк Зотов умолкал от этих слов, а Петр, бросив книжку на пол, убежал на задний двор, откуда слышался истошный крик свиньи идущей на убой: царь Петр любил смотреть на забой свиней, бычков и баранов и наблюдать, как забитых животных свежуют, сливая кровь. Запах свежей крови и вид разделанной туши вызывал в нем возбуждение и иногда, не удержавшись, он подбегал к туше забитой свиньи, вгрызался зубами в окорок и, откусив кус теплого еще мяса, убежал прочь, проглатывая сырое мясо на бегу и утирая рукавом окровавленный рот, удивляя этим своего слугу Федю.

Об этих выходках царя знали все слуги, но никогда не обсуждали поступков царя вслух, чтобы не попасть в немилость к царице Наталье, которая за малейший разговор – укор царю, тотчас отправляла провинившегося в деревню на крестьянскую работу, всыпав плетей на дорожку, чтобы слуга не болтал лишнего.

Жизнь слуги, даже такого золотаря, как Федя, была значительно легче, чем податного крестьянина или монастырского холопа и потому царские слуги никогда не обсуждали между собой поступки царской семьи, хотя все видели и все знали. Эту истину быстро усвоил и Федя, а потому следовал молча за царем Петром, исполняя свои обязанности и ничему не удивляясь и ничего никому не говоря, хотя царь Петр оправлялся и при слугах, и при боярах, ничуть не скрываясь.

Лишь Никита Зотов, на правах учителя и выпив вина, упрекал царя словами: – Негоже царю оголяться на людях и показывать срам: царь должен быть как икона, на которых Господь и Пророки всегда показаны без срама, – на что Петр всегда отвечал разъярясь и нервно подергивая головой влево:

– Замолчи Никита и не перечь царю, не то накажу и не посмотрю, что дьяк. Пей вино и учи меня грамоте как придется и Федька твой пусть мне читает и показывает чтение, когда я пожелаю, а заставлять меня и указывать не позволю! С этими словами Петр обычно хватал какую-нибудь посудину, что подвернулась под руку, бил ее об пол и убежал прочь, заставляя дьяка горестно вздыхать, а Федю следовать за собой – вдруг придется исполнить свои обязанности золотаря.

Вечерами, в людской обсуждались всякие сплетни и слухи, не умаляющие царскую семью, из которых Федя уяснил, что царский двор перебрался из Кремля в Коломенское из-за смуты, учиненной стрельцами и староверами. Стрельцам снова, как и весной, не давали жалованья, а староверы не желали терпеть притеснений от патриарха Иоакима. Начальник стрельцов, князь Хованский недавно приезжал в Коломенское и целовал крест царевне Софье на верность, но она не слишком ему доверяла, хотя и пришла к власти благодаря Хованскому.

Весной, как и сейчас осенью, случились волнения и смута стрельцов по смерти царя Федора Алексеевича. Стрельцы, с подачи Нарышкиных, провозгласили царем младшего Петра в обход старшего Ивана, что вызвало недовольство в народе и тогда, с помощью Хованского, Иван тоже был провозглашен царем, а Софья стала правительницей при малолетних царях.

Стрельцы будто бы успокоились, но вот осенью снова затеялась смута. Кто-то подбросил царевне Софье подметное письмо, будто князь Хованский нарочно мутит стрельцов, чтобы извести обоих царей и Софью, а заодно и всю царскую семью и самому стать Московским царем.

Поверила Софья тому письму или нет, только в начале сентября царский двор удалился еще дальше от Москвы в село Воробьево, затем в Павловское, оттуда в Саввино-Сторожевский

монастырь, и затем в Воздвиженское. Отсюда был послан царский указ, чтобы всем боярам, дворянам и всем служилым людям прибыть в Воздвиженское на защиту царской семьи от Хованского, учинившего страшный заговор. «Спешите, – писала Софья, – спешите всегда верные защитники престола, к нам на помощь: мы сами поведем вас к Москве, чтобы смирить бунтующее войско и наказать мятежного подданного».

Софья пригласила Хованского к себе на совещание по делам малороссийским, но по прибытию в Воздвиженское, князь Хованский был схвачен, обвинен в измене и немедленно казнен вместе с сыном Андреем.

Лишившись начальника, стрельцы быстро присмирели и отправили к Софье в Троице-Сергиев монастырь, куда перебрался царский двор под защиту монастырских стен, выборов, чтобы засвидетельствовать покорность и раскаяние.

Федя, будучи рядом с Петром, наблюдал как выборные от стрельцов, с опущенными головами, прошли в ворота монастыря и, пройдя через соборную площадь, встали на колени перед крыльцом, на котором появилась царевна Софья.

Стрельцы положили к крыльцу плаху и топор, в знак того, что достойны смертной казни и отдают себя во власть царевны. Софья, посоветовавшись с князем Голицыным, который стоял рядом с царевной в богато расшитой золотом и камнями одежде и был, как случайно подслушал Федя ночной разговор двух слуг, любовником царевны, приказала отделить четырех стрельцов от остальных и тут же казнить их на площади в назидание остальным смутьянам.

Стрельцы попрощались с товарищами и покорно прошли к помосту, что стоял в углу площади. Перекрестившись, стрельцы один за другим клали голову на плаху и царский служака, вызвавшийся быть палачом, отрубал им головы, тем самым топором, что принесли стрельцы в раскаяние.

Царь Петр увидев, как головы стрельцов одна за другой катятся по помосту, а из обезглавленных тел хлещет кровь, впал в полный восторг, захопал в ладошки, и даже описался, а холопа Федю от вида казни стошнило прямо под ноги: хорошо, что царь, увлеченный казнью, этого не заметил, а иначе быть бы холопу битому плетью за слабость характера.

Остальные стрельцы были прощены с условием к раскольникам не приставать, в чужие дела не вмешиваться и милостей, жалованных в мае, при избрании царей не требовать.

Царский двор возвратился в Москву, где царь Петр продолжил свои шалости в Кремле, смущая своими действиями родственников и бояр царской Думы. Царевне Софье было не до царей: она усмиряла крестьян, многие из которых, во время смуты стрелецкой, заставили своих господ дать им вольные грамоты.

Усмирив, с помощью стрельцов, крестьян, Софья зимой издала указ: «Которые холопы взяли у бояр отпускные в смутное время за страхованием и с теми отпускными били челом кому-нибудь во дворы и дали на себя кабалы, тех отдать прежним их дворам и впредь таким отпускным не верить, потому что они их взяли в смутное время, невольно, за смутным страхованием; да этим же холопам при отдаче их чинить жестокое наказание, бить кнутом нещадно; если же прежние господа не возьмут их, то сослать их в сибирские и другие дальние города на вечное житье» (Здесь и далее цитируются подлинные документы, свидетельства очевидцев и мнения историков – С.Д.).

Федя не знал, что его отец Иван тоже выпросил отпускную на семью у настоятеля монастыря и перешел к другому боярину под власть кабальную, но все же более легкую, чем под властью монастыря. Теперь, по указу Софьи, отец Иван был бит кнутом и возвращен под власть монастырскую с большими податями со двора: о возвращении в податного крестьянина под властью царской уже не приходилось и мечтать.

Усмирив стрельцов и холопов, Софья обратила, наконец, внимание на непотребное поведение царя Петра в Кремле и, считая Петра не совсем нормальным мальчиком, отправила его в село Преображенское, чтобы Петр под присмотром матери Натальи и учителя Зотова наби-

рался уму-разуму, ну а дальше будет видно – как с ним поступить: поумнеет – будет царствовать вместе с братом Иваном под началом Софьи, а нет, так будет отлучен от престола, как неразумный – благо есть еще один царь – Иван, родной брат Софьи, тоже, как и Петр, не вполне разумный, но тихий и покорный и потому безвредный для Софьи и государства Московского.

В Преображенском

Наступила зима. Петр не любил русскую зиму с ее снегами и морозами. Басурманская кровь, которой наделила Петра мать Наталья от далеких ее предков – хазаров, не переносила холодов, и потому в морозные дни царь мотался по всему царскому терему в Преображенском, подглядывая за боярами, слугами и матерью.

Особенно он любил подглядывать за матерью, которая частенько уединялась в опочивальне то с одним, то с другим боярином или служивым стрелецким начальником, повелев слугам не тревожить ее и не докучать делами. Слуги расходились по дальним горницам, а Петр, прикинул под дверь материнской опочивальни и, прижавшись к двери, слушал доносившиеся из спальни страстные стоны своей матери, не понимая еще их происхождение, но возбуждаясь от этих звуков до такой степени, что убегал в горницы и начинал там бить посуду – это его успокаивало на некоторое время.

Мать Наталья была тридцатилетней женщиной, что даже по меркам того времени считалось цветущим возрастом, и плотские утехы ей были не чужды.

Из опочивальни царица возвращалась спокойной походкой женщины, освободившейся от греховной страсти, и обычно звала сына Петра к себе, чтобы справиться об его успехах в учебе.

Петр приходил в сопровождении слуги Федя и, сказав, что дьяк Зотов и Федька еще ничему его не научили, убегал прочь.

Наталья Кирилловна, получив удовлетворение плоти, выговаривала слуге Феде, что он плохо исполняет свои обязанности, коль царь Петр ничему не учится. Федор слушал слова царицы без возражений и потупив голову в раскаянии.

Однажды он возразил царице, что обучать царя Петра не его забота, но дьяка Зотова, а его, Федя, обязанность подтирать царю задницу, да менять мокрые портки, если царь, заигравшись, обмажется. На эти слова царица Наталья велела всыпать холопу Феде пять плетей, и с той поры Федя никогда не возражал царице, чтобы не попасть под раздачу снова.

Петр «в одиннадцать лет не умел еще ни читать, ни писать», но «книжки с картинками Петр любил».

«Он не умел правильно написать ни одной строки, и даже не знал, как отделить одно слово от другого, а писал три-четыре слова вместе с беспрестанными описками и недописками», хотя учить грамоте его начали, когда Петру не исполнилось и пяти лет:

«его начали учить грамоте. Учителем был ему назначен 12 марта 1677 года дьяк Никита Моисеевич Зотов».

Зато физически Петр развивался очень быстро и «11-летний Петр по развитости показался иноземному послу 16-летним юношей».

Выслушав наставления царицы Натальи о плохом обучении царя Петра, Федор низко кланялся и, пообещав, в очередной раз, приложить все силы для обучения Петра грамоте, уходил прочь с ее глаз, а царица после плотского удовольствия, просила у служанки сладкокислого клюквенного морсу и испив его, уходила в опочивальню отдохнуть перед обедом. Так она проводила дни в Преображенском, поскольку царевна Софья отлучила мать-царицу от всех государственных дел.

Петр же, подсмотрев и подслушав плотские утехы матери и успокоившись битьем посуды, обычно убегал в дальний угол двора царской усадьбы, где проводился забой скота и птицы и

насмотревшись, как живые бычки и бараны превращаются в освежаванные туши, царь вместе с подоспевшим к нему холопом Федей, продолжал метаться по терему, пока слуги не приглашали его к обеду.

Обед проходил в трапезной, вместе с матерью и ближними к ней боярами, главным среди которых был Иван Кириллович – брат царицы Натальи.

Петр ел много, жадно и торопливо, хватая куски мяса с разных блюд, а если день был постный, то ел сладости, избегая рыбы, которую не употреблял ни в каком виде, вызывая этим удивление матери и других застольников. Рыба у русского человека не исчезала со стола круглый год, благо что водилась во всех реках в изобилии и достаточно для пропитания и знатных людей и служивых и крестьян, а запретов на ловлю рыбы еще не было.

Петр не ел рыбы вовсе, потому что рыба водилась в воде, а «Петр чувствовал такое отвращение к воде, что дрожал и бледнел при виде ручья». Видимо, и здесь сказывалась его хазарская кровь, поскольку степняки тоже не ели рыбу. Петр также терпеть не мог бани и почти не мылся, уверяя мать, что ему становится дурно в бане, так что Наталья Кирилловна смирилась с этой странностью сына и не принуждала его ни к мытью в бане, ни к утреннему умыванию, наказав в слугам, чтобы они протирали царя по утрам влажной тряпочкой, смоченной настоем чистотела, что не избавляло царя от резкого запаха, исходившего от него даже в столь юном возрасте и сохраняющегося потом на протяжении всей жизни.

Однажды Петр, попробовав за обедом яблочного уксуса, который ему так понравился, что Петр всякий раз, оканчивал обед, выпивая стопку уксуса и запивая его оливковым маслом.

На этом обеденные странности царя не заканчивались. При царском дворе «послеполуденное время посвящалось отдыху. Спать есть от Бога присуждено полудне, – говорит Мономах, – от чина бо почивает и зверь и птица и человеки».

Петр же никогда не спал днем. Он вставал поздно утром, в отличие от всех прочих обитателей царского терема и прочих русских людей, а потому дневной сон был ему не нужен и, отобедав с матерью, он убегал к своим потешным живым солдатам, которых завел в Преображенском взамен деревянных игрушек.

Солдат этих было уже больше сотни, одеты они были на иностранный манер, имели несколько офицеров-немцев, и лишь только появлялся царь, начинали построения и маршировку или, разделившись на два войска, начинали потешный бой между собой, иногда вызывая увечья и даже смерть по неосторожности движений с ружьями и пиками. Если случалась смерть солдату, Петр приходил в полный восторг и говорил, что сегодня маневры случились как настоящие и завтра он непременно их повторит, если не будет морозного дня – в холод царь потехи не устраивал по причине нетерпимости к стуже.

В холодные дни, когда выюга воеет за окном, дьяк Зотов пытался учить царя грамоте и ему иногда удавалось усадить Петра за чтение и письмо, которым он с большим трудом овладевал. Федор тоже старался угодить царю и читал ему книги вслух, не переставая удивлять дьяка Зотова своему умению и прилежанию к чтению.

– Вот, ваше величество, холоп, а чтение весьма разумеет и вашего возраста будет, а потому негоже царю в грамоте быть ниже холопа, – частенько говаривал дьяк, прихлебывая вино из бутылки, до которого был весьма пристрастен.

– Я царь, отвечал Петр, – прикажу и Федьке отрежут язык или глаза выколуют и не сможет он тогда ни читать, ни говорить, а пока я милостив, пусть читает мне вслух – все равно холоп всегда будет ниже царя, каким бы учением он не владел. И так будет всегда, пока я царь.

А ну-ка дьяк, дай мне хлебнуть вина из твоей бутылки: что в ней такого вкусного ты находишь, что дня провести без вина не можешь! – Нельзя ваше величество, вы еще молоды, чтобы пить вино, – возразил дьяк, убирая бутылку за пазуху.

– Не смей мне перечить, а то получишь батогов и не посмотрю, что ты дьяк, – взъярился Петр и, выхватив бутылку из дрожащих рук дьяка Зотова, торопливо сделал несколько глотков хлебного вина.

Вино оказалось горьким, но приятная теплота прошла по телу царя-отрока, в голове зашумело, и необычная веселость охватила Петра. Он вырвал из рук Феда книгу, что тот читал вслух, бросил книгу на пол и стал топтать ее приговаривая: – Так тебе и надо, что не даешься мне к чтению, а холопу Федьке далась. Вырасту и освою чтение, а не освою, прикажу сжечь все книги, что не от бога – так мне мать говорила, что все зло от книг.

Взрыв веселья и ярости быстро прошел и Петр, утомившись, задремал, присев на лежанку Зотова.

Дьяк встревожился: – Федя не говорите никому, что царь хлебнул вина – иначе быть нам обоим битыми по приказу царицы Натальи. Вино для молодого возраста весьма опасно и может повредить голове царя.

– Конечно, никому не скажу, – заверил дьяка холоп Федя, только обидно мне, что царь книгу укоряет в своей неграмотности, а сам не хочет обучения и видно ждет, что грамотность сама к нему придет. Надо потрудиться, а царь наш трудиться не умеет и не желает. Отец мне говорил, что без труда не вынешь и рыбку из пруда, а Петр без всякого труда стал царем, разве это справедливо Никита Моисеевич?

– Мал ты еще, чтобы такие речи вести и искать справедливость, – замахал руками дьяк на Федю и, прихлебнув из своей бутылки вина, закончил: – Нельзя сомневаться в божьем промысле, а Петр стал царем по божьему промыслу, на то он и помазанник Божий. Если кто услышит твои речи о сомнении в царе Петре так и знай, что быть тебе тогда битым или и вовсе посаженным на кол, а потому я ничего не слышал и ты при мне ничего не говорил, – и дьяк снова хлебнул вина для успокоения.

С этого случая началось пристрастие Петра к вину: испытав раз удовольствие от выпивки, малолетний царь потом, не единожды, брал бутылку у дьяка Зотова и, прихлебнув глоток-другой, он, ощутив веселие, начинал с удвоенной энергией гонять своих потешных солдат, которых образовалось уже несколько сотен, заставляя их маршировать до изнеможения или устраивая потешные бои с настоящей стрельбой из ружей и пушек, что доставил ему дядя – Лев Кириллович, в надежде, что потешное войско когда-нибудь будет полезно Петру для обретения власти.

Так появилась странная, для русского человека того времени, любовь Петра к выпивке.

Прошло два года. Тринадцатилетний Петр еще вытянулся ростом, оставаясь по-прежнему несуразного вида юношей. Черные, с отблеском, курчавые волосы, темный цвет кожи лица и глаза навывкате делали его внешность явно близкой к туземным жителям древней Хазарии, нежели к русским обитателям Московии, царем которой Петр неожиданно стал стараниями матери и ее окружения, в возрасте десяти лет.

У его отца – царя Алексея Михайловича было двенадцать детей от первого брака, среди которых было пять сыновей, а потому у Петра – сына царя от второй жены не было никаких перспектив стать царем.

Однако, волею случая или злым умыслом людей, сыновья царя Алексея один за другим благополучно умирали в младенчестве, а два оставшихся сына: Федор и Иван были признаны болезненными до такой степени, что Федор, став царем, правил только семь лет, скончавшись от цинги: болезни свойственной бедным людям севера из-за недостатков в питании, но не царям, а Иван был объявлен слабоумным, который не в состоянии править страной самостоятельно, и потому ему в пару был назначен малолетний Петр, якобы весьма способный мальчик, не сумевший, однако, овладеть грамотой к одиннадцати годам и продолжавший играть в солдатики.

К тринадцати годам у Петра появилось влечение к плотской утехе с девкой – весьма раннее для русского юноши, но вполне обычное для потомка хазар-степняков.

Однажды Петру приснился сладостный сон, в котором он силой овладевает девкой, точно так, как боярин Голицын овладевал его матерью в царской опочивальне, что Петр видел много раз, подглядывая за ними и незаметно приоткрывая дверь, чтобы лучше видеть, когда плотские утехы матери и боярина заставляли их забыть об осторожности. В конце того сна Петр почувствовал, как сладко-мучительный спазм охватил его чресла извергнув семя и он проснулся в мокрых исподних.

Поняв, что становится взрослым, Петр начал искать доступную девку, чтобы сон превратился в явь.

Обратиться к матери не представлялось возможным: будучи сама пристрастна к прелюбодейству, она порицала блудниц среди своих слуг и, заметив, что какие-то холоп и холопка начинают уединяться в закоулках терема или в многочисленных клетях и избах во дворе царской усадьбы, Наталья Кирилловна или обженивала эту парочку – если была в хорошем настроении, или высылала их прочь из дворца по разным деревенькам – если была в дурном расположении чувств. Поэтому мать, считавшая Петра еще отроком, не могла ему помочь в удовлетворении плоти, подыскав нужную девку, а сам царь еще не решался проявить свою царскую волю и заставить любую приглянувшуюся девку уступить его похоти.

Неожиданно помог случай. Как-то в жаркий июльский день, когда царский двор и вся челядь предавалась послеполуденному сну, царь Петр мотался по двору в поисках развлечений. Он загнал черного кота на березу и потом камнями сбил его вниз, так, что кот, жалобно мяукая и хромя, кинулся за клеть.

Петр с камнями в руках метнулся за котом, намереваясь прибить его до смерти, как услышал страстные стоны, доносившиеся из-за клетки. Эти стоны были знакомы Петру по блудству его матери, и он последовал на эти звуки. Заглянув за клеть, царь увидел лежавшую на траве девку, с задранной по самую шею сарафаном, так что обнажилось все тело с раздвинутыми ногами, а над девкой трудился парень, который скинул портки и мерно двигался взад-вперед, втиснувшись меж девичьих ног.

Девка лежала с закрытыми глазами, тихонько постанывая от движения парня и вдруг, открыв глаза, увидела возле себя царя. От этого видения девка вскрикнула, парень обернулся и, увидев царя, вскочил, оставив девку лежать на траве с бесстыдно раздвинутыми оголенными ногами.

Петр, ощутив страстное желание, мгновенно скинул портки, бросился на девку сверху и, не давая ей опомниться, овладел ею. Опасаясь царского гнева, девка не посмела сопротивляться, а лишь заплакала, закрыв лицо руками от стыда.

Парень, в растерянности, стоял рядом не зная как ему поступить: отбросить царя со своей милой и тем самым лишить жизни и себя и свою милую, зная злобный и мстительный характер Петра, о котором знали все слуги или оставить милую на растерзание царю, смирившись с утратой своей любимой. Пока парень стоял столбом в оцепенении, Петр достиг блаженства и, судорожно впившись зубами в девичье плечо, прокусил его до крови.

Полежав с минуту, Петр встал, натянул портки и усмехаясь сказал парню, что стоял без порток с возбужденным естеством: –Давай заканчивай и ты свое дело, а я после тебя опять потискаю твою девку и потом дам девке рубль за то, что ублажила царя.

Парень воспринял слова как приказание и, опустившись на девку, продолжил свое занятие, которое продолжалось недолго и в полной тишине.

Исполнив приказ царя, парень снова вскочил, поддернул портки и застыл молча, ожидая царского приказа.

Но царь, как и обещал, успел вновь почувствовать желание к плотской утехе, снова скинул портки, и повторил свое владение девкой, которая продолжала лежать, закрыв глаза и покорившись царскому желанию полностью, чтобы нечаянно не прогневить его.

Петр, повторно достигнув плотского удовольствия, встал с девки, надел портки и спросил у парня: – Кто есть такой и почему девку пользуешь украдкой за клетью? Отвечай!

– Я Пашка, конюх, а это Настя, моя невеста. Она служит горничной при царевне Наталье, вашей сестре. Каюсь, что согрели мы до венчания, которое обещала царевна Наталья совершить осенью.

Ну и правильно сделал, что усадил девку до свадьбы – чего понапрасну время тратить, – похвалил Петр холопа. – Как раз через два дня будет день святых Петра и Павла: вот и мы с тобой будем вместе пользоваться твою невесту Настю, словно святые Петр и Павел, – хохотнул царь. – Теперь каждый день приводи сюда Настю в это время: я ее попользую, а потом ты, если захочешь, а не захочешь сразу после меня так пользуй в другое время, но сюда мне приводи ее непременно. Вот вам рубль за царскую утеху – сказал Петр и, достал из кармана новенький серебряный рубль с изображением царевны Софьи, что недавно отчеканили на монетном дворе и Софья прислала обоим царям в подарок.

– А ты девка вставай с травы, негоже долго лежать на земле – так и поостыть можно, а ты Настя нужна мне горячая и здоровая. С этими словами царь ушел прочь, оставив Павла и Настю в размышлениях, что же им делать дальше: исполнить волю царя и приходить сюда, как он приказал или повиниться перед царевной Натальей, что не дождались свадьбы и вступили в блуд, где их застал царь Петр и тоже прелюбодействовал Настю.

Обдумав, что царский гнев будет сильнее обиды царевны, Павел и Настя решили исполнять волю царя, а там, глядишь, настанет осень, они обвенчаются и тогда царь Петр не посмеет пользоваться венчанную жену в свое удовольствие.

Так оно дальше и случилось. Как только двор укладывался на дневной отдых, Настя приходила за клеть: когда одна, а когда и с Павлом, ждала царя, а как только Петр появлялся, то девка расстилала холст приносимый ею с собой, заголялась и ложилась на этот холст, ожидая царской милости.

Петр, как всегда нетерпеливый, спускал портки, ложился на девку и пользовал ее до полного своего удовлетворения, а иногда и дважды – юный царь проявил большое женонеистовство, которое сохранил потом на всю свою беспутную жизнь.

Недели через две такого действия, Павел пришел один, сказав Петру, что Настя заболела женской немощью и не в состоянии убажить царя.

– Что это еще за женская немощь? – удивился Петр, – небось отлынить хочет – знаю я вас холопов, ничего делать не можете без кнута и зуботычен! А ну води девку сюда непременно, посмотрю, что за хвороба на нее напала.

Павел повиновался и скоро вернулся с Настей, объяснившей малолетнему Петру, что у девиц раз в месяц случаются кровотечения и в это время нельзя принимать мужчину – он может испачкаться, да и женщине это может повредить.

– Ничего не знаю, ложись как всегда, – иначе буду злой, – сказал Петр. Делать нечего, Настя привычно обнажилась и легла на холст. Петр, увидев кровь из укромного места сильно возбудился, что всегда случалось с ним при виде крови и немедленно овладел девкой не слушая ее объяснений. Он быстро достиг удовлетворения, однако перепачкался в крови, но не огорчился, а лишь заметил вслух: – Ничуть женская слабость не вредит мужскому моему желанию, а напротив вид крови делает мое желание еще сильнее. На, тебе Настя рубль за услугу и непременно приходи завтра. В этом деле не должно быть перерыва, да я и не привык уже терпеть.

Желание Петра было исполнено и следующим днем Настя вместе с Павлом ждали царя за клетью, несмотря на женские страдания Насти.

Федор, конечно, узнал о забавах Петра за клетью и даже один раз подсмотрел на царские утехы, но не понял его, поскольку сам еще не вступил в возраст желания девичьего тела, хотя и был одногодок с Петром: басурманская кровь Петра привела его к раннему созреванию тела, однако разум его продолжал быть младенческим, тогда как Федор, напротив, телом еще не созрел, но разумом был гораздо выше царя: таково свойство русского человека – умом он развивается быстрее, чем басурманин, а телом отстает в развитии от басурман и приходит гармонизации души и тела лишь годам к шестнадцати – именно с этого возраста юноша может вступать в брак по православным канонам.

Скоро утехе царя Петра наступил конец. Горничная Петра, убирая его платье, обнаружила на портках пятна крови, о чем немедленно доложила царице Наталье, приказавшей слугам докладывать обо всем подозрительном с царем Петром.

Женщины, осмотрев портки царя с пятнами крови, тотчас решили, что эти пятна от женской плоти и, значит, Петр уже познал женщину, что весьма рано для юного царя.

Проследив за царем в полдневный отдых, Наталья Кирилловна обнаружила Настю и Петра за непотребным делом и немедленно вмешалась, нарушив Петру привычное уже удовольствие.

Петр застигнутый матерью прямо на девке, не вскочил немедленно, а закончил дело и только тогда, не стесняясь матери, надел портки и указав Насте уйти прочь, укорил мать за слежку.

– Зачем вы, маменька, следите за мной и мешаєте моим делам? – спросил Петр у матери и, не дождавшись ответа, продолжил, – я царь и могу делать что хочу, не спрашиваясь у матери. Я же не виню вас, маменька, что вы запираетесь с боярином Голицыным Борисом и занимаетесь блудом, как я здесь с девкой Настей.

Я уже достаточно взрослый, чтобы владеть женщиной – вот я и владею девкой без вашего, маменька, благословения. И не смей трогать эту девку, пока она мне не надоест – пригрозил Петр. – Лучше будет, если вы, маменька, сами будете подбирать мне девок для утехы – мне царю недосуг искать их самому, мои потешные войска требуют заботы, а после маневров девка будет в самый раз для забавы.

Жду маменька девку от вас через неделю, а пока буду заниматься этой Настей, но уже не здесь за клетью на траве, а у себя в опочивальне, как и вы, маменька с боярином в своей опочивальне.

Сказав это, Петр ушел к своим потешным войскам, оставив мать в удивлении, что ее сын Петруша уже в тринадцать лет озаботился женским телом. – Да, видать сынок мой в меня пошел по блудному делу. И то сказать, я – то с царем Алексеем радости женской не познала ввиду его немогущества, так что потом, после смерти царя пришлось наверстывать упущенное: не зря ведь говорят, что бабий век это сорок лет, а мне уже тридцать три годочка минуло – вздохнула царица Наталья и пошла советоваться с тетками-наушницами какую девку из прислуги пристроить для царской утехы.

Дело это вовсе не простое: горничные блюдут себя в надежде подыскать мужа среди обслуги и не прослыть блудницей, которыми даже холопы брезгуют, а тех блудниц, которые в Москве занимаются блудным грехом за деньги и вовсе секут кнутом на площади за непотребство – таков был указ еще царя Алексея.

В тот же день, к вечеру, царь Петр приказал привести девку Настю к нему в опочивальню, где мучил ее своими домогательствами всю ночь.

Так продолжалось несколько дней, пока мать-царица не привела к юному царю новую девку, что подобрали среди горничных, заплатив ей три рубля и пообещав отпустить потом в деревню. Там у нее проживал по соседству жених, с которым она вступила в греховную связь, не дожидаясь осенней свадьбы, не случившейся из-за отправки этой холопки в услужение цар-

скому двору. Теперь, ублажив царя, ей обещалось возвращение домой и с немалыми деньгами, ради которых ее суженый все ей простит – даже того, чего не было.

Девка эта оказалась весьма проворной в царской опочивальне и под царем, чем ему угодила так, что он отпустил Настю прочь и больше ей не занимался, будто ее никогда и не было.

Новая девка, по имени Дарья, не сторонясь Петра из-за его несуразности и резкого запаха, исходившего от немытого тела царя, выполняла все его прихоти, которые приходили на ум царю, начинающему познавать женщин.

На второй вечер, в спальне царя, Дарья бесстыдно опорожнилась в ночной горшок после царской службы, а Петр, смеясь, приказал:

– Эй, Федька, подь сюда и подотри задницу Дарье, чтобы она мне постель не испачкала.

Федор привычно исполнил свое дело, чувствуя, как влажная тряпица входит в округлости женского тела, убирая и очищая девку для очередной царской забавы.

– Что Федька? Хочешь попробовать девку? – спросил Петр, наблюдая за действием золотаря. – Давай вали ее на пол и мни, а я посмотрю! И, не дождавшись ответа, засмеялся: – Ты еще молод и потому не можешь иметь девку. Я царь и потому хочу и могу иметь девиц, а ты холоп и потому тискать девку хочешь, но не можешь. Давай, Дарья, покажем Федьке, как делается блудный грех, – молвил Петр и начал тискать девку, а Федор вышел из спальни, чтобы не смотреть на прелюбодеев.

С этого времени, царь Петр ощутив всю полноту своей власти над людьми, несмотря на юный возраст, стал постоянно и непреклонно удовлетворять все свои прихоти и похоти, угрожая за неисполнение наказанию плетью или пыткой на дыбе.

Через год такой жизни, Петр среди бела дня схватил горничную своей сестры Натальи, затащил ее в опочивальню и там изнасиловал, не внимая крикам девушки о пощаде. После насилия, той же ночью, эта девка повесилась на конюшне, приспособив вожжи вместо веревки.

Петру доложили об этом случае утром.

– Ну и дура, – сказал царь и, откушав завтрак, пошел к потешному войску проводить маневры. К этому времени он имел более тысячи солдат, которых разделил на два полка, построил крепость Пресбург, которую эти полки поочередно защищали или брали штурмом, обстреливая настоящими ядрами из настоящих пушек, из-за чего много скота и всякой живности было побито на крестьянских полях, а среди солдат бывали убитые и покалеченные.

Но царь Петр уже научился живых людей считать за деревянных солдатиков и потому не испытывал ни жалости, ни сострадания к ним.

Меншиков. Начало

Прошел год. Царь Петр еще вытянулся вверх и стал на голову выше всех окружающих его родственников, бояр и холопов. На несуразно длинном туловище царя, заканчивающемся длинной шеей, размещалась маленькая головка, которая осматривала выпуклыми кошачьими глазами окружающий мир, не выражая ни страсти, ни радости, ни печали. Царь входил в возраст юношества и еще не знал, как ему распорядиться своей властью, доставшейся ему случайно, по рождению, а не по способности, но уже умело пользовался царским пожеланием, удовлетворяя две страсти: воинские игры и плотскую утеху с девками.

В воинских игрищах царь проводил все свободное время, обрядив свое потешное войско в иноземное платье и устраивая потешные баталии. Иноземное одевание своих войск Петр заимствовал по совету иноземных офицеров и чтобы его солдаты не были похожи на стрельцов, от которых он натерпелся страха пять лет назад, когда был провозглашен царем вместе с братом Иваном и чуть было не лишился жизни от стрельцов, за что и возненавидел их лютой ненавистью.

Освободившись от воинских забав, Петр переходил к забавам плотским, выглядывая девок по всему царскому дворцу и затаскивая попавшую ему на глаза девку в свою спальню, где сильничал ее не давая пощады, а получая порой, отпор зверски избивал невинную холопку и приказывал отослать ее в деревню или насильно выдать замуж за какого-нибудь холопа в возрасте и желательно уродливого. Будучи сам внешне уродлив и уже осознавая это, царь Петр благоволил к другим уродцам и потому в его обществе водились карлики и карлицы и просто убогие телом или разумом.

Женолюбие царя было известно всей дворне и потому молодые девки, завидев царя издали, опрометью бежали прочь, чтобы забиться где-то в угол и не повстречаться с царем, поскольку такая встреча могла закончиться печально для девичьей чести.

Мать Наталья Кирилловна иногда увещевала Петра остепениться и не хватать случайных девок, а завести себе одну-две и постоянно их пользоваться, на что царь ехидно отвечал: – То-то маменька, я погляжу, из вашей спаленки то один боярин выходит, то другой: может и вам, маменька тоже пора остепениться и вместо убажания плоти, бить поклоны в церкви и смиренно просить прощения у Господа за прелюбодеяния? Так нет же: вы и прелюбодействуете и поклоны в церкви бьете – так и я буду грешить с девками и каяться, грешить и каяться, потому что, согласно Писанию, Господу один раскаявшийся грешник милее десяти праведников. На том разговор матери с сыном, обычно, и заканчивался и каждый из них продолжал свой привычный образ жизни.

Однажды, в августе, после Ильина дня, Петр закончив военные игры пошел прогуляться в дальний конец царской усадьбы, где протекала речка Яуза. Воды Петр не любил и всячески избегал, но надеялся близ речки застать врасплох какую-нибудь девушку за купанием и, дождавшись, когда она голая выйдет из воды, наброситься внезапно и взять ее силой, что он особенно пристрастился совершать в последнее время.

Взять девку за деньги – это одно, а взять девку силой, – совсем другое: это все равно, что казнить и миловать – результат тот же. Взять девушку силой – это казнить ее, а взять ее по согласию – это миловать, но казнь и кровь были Петру в радость большую, чем покорность и милосердие – чувства царю совсем чуждые.

Девки возле речки не оказалось, но на другом берегу сидели два отрока, примерно его возраста и удил рыбу. Петр подошел ближе и остановился шагах в десяти от берега: воды он боялся, а потому и рыбу вовсе не употреблял.

Завидя Петра, один из отроков крикнул ему: – Эй ты, уходи отсюда и не пугай нам рыбу, а то переберусь на твой берег и ребра поломаю.

Петр возмутился дерзости холопа: – Как смеешь ты, холоп, указывать мне где стоять: я есть царь московский и прикажу дать тебе плетей за твою дерзость!

– Если ты царь, то приходи сюда на наш берег, и мы тебе поклонимся, а издали нам не видно кто ты есть: царь или дурак-самозванец.

Давеча в Москве на Красной площади я видел юродивого в рубище – так он тоже кричал, что есть царь, пока стражники не всыпали ему плетей, – продолжал дерзить холоп, надсмехаясь над Петром.

Неожиданная дерзость холопа Петру понравилась, и он вполне миролюбиво предложил: – Давайте вы перебирайтесь на мой берег и если меня чем удивите, то я заплачу щедро и отпущу восвояси, простив дерзкие слова.

Отроки на том берегу пошептались, и один сказал другому: – Сашка, это действительно царь Петр, я его видел прошлым месяцем, когда цари Иван и Петр въезжали в Кремль вместе с правительницей Софьей. Надо бежать отсюда, пока стража нас не схватила и не казнила по приказу царя.

– Погоди Лешка, убежать всегда успеем, а если это действительно царь, то может быть это наша удача его встретить. Удивлю я этого царя, как он просит, глядишь и награду получим, чем черт не шутит!

– Ладно, царь, идем к тебе за наградой, – сказал один отрок и пошел вброд через реку к Петру, а за ним и другой последовал. Вода оказалась здесь обоим по грудь и минуто спустя, холопы были возле Петра, разглядывая его странное одеяние: царь был в коротком синем кафтане, атласных портках до колен, завязанных бантами, белых чулках и ботинках с серебряными пряжками. На голове царя была треугольная шляпа с отворотами, а на боку, на поясе, висела шпага.

– Точно царь, – подумал Сашка, и, скрывая робость, поклонился, сказав: – Теперь, вблизи, мы видим, что есть Вы царь настоящий и потому просим прощения, что не признали Вас издалека.

– Ладно, холопы, обиды не держу, – сказал Петр и продолжил, – Девки поблизости не видели? Я хотел заломать здесь девку и вам бы дал попользоваться. Небось девку еще и не пробовали?

– Куда нам! – сокрушенно ответил Сашка, поймав настроение царя, – блудные девки не даются даже за деньги, опасаясь быть битыми плетью за грех с отроком, вот и приходится ублажать свою плоть другими делами. Я уже и рукоблудием пользовался и содомитским грехом баловался, так глядишь, и до блудной девки как-нибудь доберусь.

– А что есть содомитский грех? – заинтересовался Петр.

– Это когда с козой, например, грешишь, по-собачьи, или отрок с отроком – тоже по-собачьи.

Я, вот, с соседской козой согрешил, когда она в наш огород забрела и капусту хрумкала: так я ей ноги задние в отцовские сапоги засунул, чтобы не ударила случайно, и нате-будьте, оприходовал козу за милую душу. Жаль, что сосед увидел мои занятия с козой и пожаловался отцу, что я козу ему испортил. Отец бил меня смертным боем за этот грех и пришлось мне бежать из отцовского дома, – охотно пояснил Сашка и добавил, заметив интерес царя, – Я могу за пятак подставить свою задницу кому угодно – меня не убудет, а плоть утихомирится не хуже, чем после девки.

Петр еще не пробовал содомитского греха, а потому, приказал: – Давай холоп, подставляй царю задницу, я тебе за это рубль серебром жалую. Сашка покорно скинул портки и согнулся, опершись на поваленную березу. Петр тоже сбросил панталоны и, примостившись сзади, занялся содомитством. Сашка, скривившись, терпел: милость царя оказалась несколько болезненной, но и рубль серебром на дороге не валяется.

Закончив дело и получив удовлетворение, Петр сказал: – Действительно, получается навроде девки, только запах другой. Эй, Федька, поди сюда и оботри мне срамное место.

Федор, который наблюдал за всем действием издали из куста орешника, покорно вышел, протер Петру его мужскую плоть и снова удалился под куст.

Петр надел панталоны и довольный тем, что впервые совершил новый грех, дал холопу рубль, добавив: – Вот ты холоп, а обучил царя новому действию, не пожалев задницы. За это будет тебе моя милость. Ты чей будешь холоп? – Я есть Алексашка Меншиков, отец мой конюхом в Кремле числится. Он вольный человек, а потому и я вольный. Только отец мой дерется сильно, когда выпьет вина хлебного и потому я от него утек, а теперь мотаюсь по Москве, и живу, где придется, пользуюсь людской милостью.

А это мой приятель, крестьянский сын Лешка Бровкин, он отстал от отца на ярмарке и не знает дороги домой – вот мы вместе с ним и кусочничаем.

Раз вы вольные люди, то беру я тебя Алексашка и тебя Лешка в свои потешные войска: ты Лешка будешь барабанщиком, а ты Алексашка будешь при мне вроде денщика. Только служить мне добротнo – иначе прикажу выпороть и прогнать прочь. На службе получите воин-

скую выправку, харч и жалование. Как, согласны или нет? – закончил Петр свое предложение отрокам, один из которых только что совершил с царем содомитский грех.

Алексашка, блеснув синими глазами, быстро, не думая, ответил царю: – Конечно, согласны мы на царскую службу, только как к вам теперь обращаться, мы не знаем.

– В войске вас всему обучат: как и к кому обращаться и стрелять, и пикой и шпагой орудовать, и ходить строем, а теперь пошли за мной и никому ни слова об этом грехе на берегу реки – проболтаетесь, заporю до смерти – закончил царь и пошел к своему потешному войску своей прыгающей походкой, а за ним следом Сашка и Алешка, которые из бездомных беглецов вдруг оказались царскими служилыми и все благодаря сообразительности Сашки, оказавшему царю плотскую утеху, пусть и греховную, но вовремя.

Петр прошел в военный городок, где располагались его потешные войска, как называли Петрово воинство приближенные к царю бояре, чтобы не обозлить царевну Софью, но на самом деле эти «потешные» и числом и умением уже давно превратились в настоящее войско, пусть и не имеющего боевого опыта, но вполне готового к защите царя Петра от заговора или дворцового переворота, наподобие опричников, стоявших на защите царя Ивана Четвертого, прозванного в народе «Иваном Грозным».

Петр распорядился насчет новобранцев и ушел во дворец, сопровождаемый Федором, который следовал позади царя и в отдалении, сердито сплевывая на землю при воспоминании о содомитском грехе, только что совершенном царем в его присутствии с неизвестным холопом – судя по всему, большим пройдохой.

Так началась служба Алексашки Меншикова при царе Петре и началась она с большого греха, которому, по писанию, нет прощения и за который Господь наказал города Содом и Гоморру большим огнем, сошедшим с небес и спалившим оба города за необузданные плотские действия жителей – древних ханаан, кровным потомком которых, судя по всему, являлся и царь Петр.

Через несколько дней Алексашка был вызван к царю, который осмотрев своего нового воина, остался доволен его внешним видом и приказал ему в течение месяца обучиться началам воинского дела и потом приступить к службе при царе, всякий раз, когда Петр будет появляться в воинском городке и проводить учения своих потешных войск.

Через месяц Алексашка уже сопровождал царя во все время воинских учений, где иноземные командиры, в основном из немцев, обучали войско европейским правилам, основным из которых было умение маршировать гусиным шагом, точно таким, каким ходил сам царь Петр в силу своей несуразной фигуры.

Царь больше не домогался греховной утехи от Алексашки, но и не приближал его, держа холопа-воина вне круга своих доверенных, основным из которых был Гордон – шотландец неизвестного происхождения, которого Петр сделал генералом.

Алексашка, имея рискованный характер, решил не ждать царской милости, а самому добиться доверия Петра и однажды, когда царь Петр, с трудом взгромоздившись на коня из-за своей несуразной фигуры, поехал из Преображенского за околицу, чтобы осмотреть место, где завтра намечал провести воинские маневры, то Алексашка незаметно вонзил острый шип в круп царского коня. От неожиданности конь понес в галоп, так что царь едва удерживался в седле. Алексашка, который был прекрасным наездником, недаром его отец был конюхом при царском дворе, пришпорив своего коня, догнал царя и схватив его коня под уздцы, повис на нем, выпрыгнув из седла. Конь Петра тут же остановился, а царь Петр, бледный от страха, сполз с коня и, подойдя к Алексашке, обнял своего спасителя, как равного себе по званию.

С этого случая Алексашка стал доверенным другом царя Петра и он не разлучался с ним целыми днями, всюду следуя в сопровождении своего денщика, которого считал своим спасителем.

Петр начал посещать Немецкую слободу, где жили иностранцы, именуемую в народе Кукуевской.

Иностранцы в Москве жили обособленно, поскольку были чужой веры, а к иноверцам было отношение плохое и даже брезгливое. Все иностранцы разделялись на немцев и басурман: немцы – это из Европы, а басурмане – это жители с Востока и к басурманам было отношение даже лучше, чем к немцам, потому что басурмане не покушались на православную веру даже при монгольском нашествии, а немцы постоянно пытались расшатать православие и совратить русских в католичество, что уже удалось сделать с Польшей, которая приняв католичество стала злейшим врагом Руси, позабыв свое славянское происхождение.

Осуждая Петра за то, что он ввел в своем войске иноземцев в офицеры, а Гордона в генералы, патриарх Иоаким писал в своем завещании: «Молю царей и Спасителем, нашим Богом, заповедываю, да возбранят проклятым еретикам-иноверцам начальствовать в их государских полках над служилыми людьми, но да велят отставить их, врагов христианских от полковых дел все совершенно, потому что иноверцы с нами, православными христианами в вере неединомысленны, в преданиях отеческих несогласны, церкви, матери нашей чужды – какая же может быть помощь от них, проклятых еретиков, православному воинству!»

Но Петр в своем потешном войске именно иноземцев поставил офицерами над солдатами, набранными из деревень и обучаемых воинскому ремеслу на иностранный манер. Первым делом эти офицеры подговорили Петра одеть всех воинов на иностранный вид: в короткие шинели, высокие сапоги, обтягивающие рейтузы и шляпы треуголки – одеяние вовсе не пригодное для московской погоды с крепкими морозами зимой и холодными дождями осенью. Но царь Петр, по видимому по зову крови, попал под влияние иностранцев, искренне полагая, что «иностранцы были умнее русских: и так надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытом».

Петр уже посещал несколько раз Немецкую слободу, где находил радушный прием и доступных девиц, веселых и игривых, не то, что девки из царского двора, которых ему поставляла мать или которых он брал силой, выловив во дворце: они были вялые, бессильные и безответные на царские домогательства.

– Берешь девку хоть силой, хоть по согласию – они одинаково без чувств, словно мертвые, – жаловался Петр своему другу Меньшикову, которому уже дал попробовать девок после себя и Алексашка не отказался, подобно золотарю Федору, а принял царский подарок радушно, исполнив плотскую утеху прямо на глазах царя и предложив царю совершить свальный грех, вместе пользуя одну девку.

С русскими девками из дворца ничего хорошего из этой затеи не получилось: девки причитали, плакали и убегали прочь, тогда как в немецкой слободе девки вели себя игриво и даже пили вместе вино, к которому Петр уже успел пристраститься, заботами дьяка Зотова, и теперь приучал к вину Алексашку, который показал себя достойным учеником, напиваясь вместе с царем до положения риз во время забав с иноземными девками.

Петр оплачивал услуги девок и трактирщиков золотыми дукатами и потому был желанным гостем в немецкой слободе, не смотря на свой вид и резкий запах, исходивший от немытого тела царя. На уговоры матери сходить в баню Петр отвечал, что один иностранец в немецкой слободе сказал ему, будто король Франции Людовик Четырнадцатый, на предложение помыться ответил, что для него будет достаточно, что его обмыли при рождении и еще раз обмоют после смерти.

Незаметно, за солдатскими играми и попойками в немецкой слободе прошел год и мать Петра – Наталья Кирилловна, видя непотребное поведение сына решила оженить его, чему Петр поначалу сопротивлялся, жалуясь Алексашке, который, уже поняв натуру Петра, умел удачно его успокоить или похвалить.

– Если мать хочет, то надо уступить и жениться «мюн херц» – говорил Алексашка, называя Петра на немецкий манер, и зная, что Петру такое обращение весьма нравится. – Тебе надо жениться, чтобы считаться взрослым и убрать Софью от управления государством, а время мы будем проводить как и раньше в свое удовольствие. Кто посмеет перечить царю-самодержцу в его желаниях? Никто.

Так что женись, мюн херц, потопчешь свою женушку, как петушок топчет курочек, сделаешь себе наследника и дальше правь, как хочешь: с женой вместе или без нее – как решишь ты, так и будет.

Петр внял уговорам «сердечного друга» и женился по воле матери.

Это женитьба ничего не изменила в его поведении, но заставила царевну Софью совершить несколько ошибок в попытке сохранить за собой власть при взрослых царях Иване и Петре, которые уже стали женатыми, а у Ивана даже родилась дочь.

Алексашка Меньшиков так удачно показывал царю Петру свою преданность и охотно исполнял все его желания, вплоть до плотских забав, что стал его ближайшим другом и соратником во всех последующих деяниях и поступках этого царя-реформатора, приведшего Россию не к мнимому величию, а к столетнему упадку и застою.

Федор

Федор в недобрую минуту оказался возле царя Петра семь лет тому назад, когда его – десятилетнего мальчика, послали в услужение Петру, тоже десятилетнему, но уже провозглашенного царем стараниями его матери Натальи Кирилловны и приближенных к ней бояр, желающих пристроиться поближе к трону.

Петр еще не вполне понимал, что значит быть царем: правила государством его сестра Софья, назначенная правительницей при малолетних царях Иване и Петре, а Петр продолжал свои детские игры в солдатиков, быстро привыкнув к тому, что все его прихоти и желания немедленно выполняются: так распорядилась Софья, чтобы цари, подрастая, не знали укороту и потому не стремились к самостоятельному царствованию как можно дольше.

Петр только-только начал привыкать к исполнению всех своих пожеланий, даже нелепых, и именно тогда Федя оказался возле Петра и отказался участвовать в повешении собаки, за что был неожиданно принужден к унижительной для крестьянского мальчика услуге – подтиранию задницы царю-мальчику.

Петр высказал свое пожелание иметь Федю всегда возле себя, чтобы и далее он обеспечивал чистоту царской задницы и, дав Феде звание золотаря, уже не менял этого приказа, а потому, Федя продолжал пребывать в этой должности и дальше, втайне надеясь на изменение своей судьбы к лучшему.

Выносить за царем ночные горшки и подтирать царю Петру задницу было вовсе не трудно, но стыдно и унижительно для крестьянского сына: одно дело, когда приходилось ему ухаживать за скотиной и птицей, убирая навоз и птичий помет, а совсем другое дело подтирать за человеком, пусть даже этот человек и считается царем: в Писании говорится, что все люди равны перед богом, – значит и унижать христианскую душу другой христианин не должен, ибо это есть грех.

Все это Федя знал из Писания, по которому он учился грамоте у сельского дьячка в далеком селе Орудьево, не ведая, что его грамотность и явилась главной причиной назначения его Петром для выполнения унижительных обязанностей золотаря.

Петр, не знавший грамоты и не желавший обучаться, несмотря на все старания дьяка Зотова приставленного к нему в учителя, вдруг увидел возле себя мальчика-ровесника, который освоил грамоту без всяких учений – это было обидно: царский холоп умеет то, чего царь не может, а мальчишеская царская обида не знает пощады и потому Петр и назначил холопа

Федю выполнять унизительные обязанности, чтобы по-мальчишески торжествовать свое превосходство.

Бывало, что в редкие минуты, когда дьяку Зотову удавалось усадить Петра за учебу, тот, не в силах заучить буквы, впадал в ярость, бросал на пол книгу-букварь и начинал топтать ее ногами, потом снимал портки, садился, справлял нужду и кричал: – Эй, Федька, иди сюда и быстро подотри мне зад, – а когда Федя начинал исполнять приказ царя, тот оправлялся ему прямо в руку и, вскочив, убегал во двор, торжествуя крича: – Теперь Федька этой рукой напиши на бумаге молитву «Отче наш».

Федя молча уходил к реке, чтобы застирать испачканную одежду и вымыть руки, а дьяк Зотов лишь качал головой и, достав бутылку с вином, которую постоянно носил за пазухой, делал несколько глотков, звал слугу, чтобы тот очистил комнату, где проводил учебу царю, от последствий царской выходки.

К этому времени возвращался Федя и Зотов, ободряюще похлопывал мальчика по плечу, говоря: – Терпи отрок, бог терпел и нам велел и не чини обиды на царя – это в нем кровь басурманская играет, а нам христианам не резон обижаться на несмышленища-царя. Надеюсь, что царь Петр израстется от своего буйного нрава и будет хорошим царем, такие примеры из прошлого нам известны.

Федя смиренно отвечал дьяку: – Нам, холопам, не след обижаться на господ: будь – то царь, боярин или кто другой. Мне отец говорил, что на обиженных воду возят, только я не понимаю, почему обида и почему вода вместе? Может потому, что вода грязь смывает, а обида это та же грязь, только в человеческой душе?

Дьяк удивлялся рассуждениям Феди и хлебнул вина из своей бутылки и уходил к себе в горницу, что была выделена ему во дворце, как учителю молодого царя, а Федя, очистившись от следов царской милости, шел во двор усадьбы, чтобы отыскать Петра и молча следовать за ним, дабы по первому же его зову выполнить свои обязанности.

Так минул год, второй и третий и Петр начал проявлять интерес к девкам, и интерес этот исполнился на девке Насте, чему Федор был свидетелем.

Дальше Петр, известно, удовлетворялся девками как только мог, иногда отсылая Федю прочь – если насильничал девку в своей спальне или напротив приглашая Федю, чтобы тот протер чистой тряпочкой причинное место царю и девке, если девка та оказалась в царской опочивальне по своему согласию, в надежде получить за свою услугу серебряный рубль или даже золотой дукат, что иногда тоже случалось, если плотская утеха с этой девкой царю пришлась по душе. Впрочем, Федя уже не верил в наличие у царя Петра православной души: басурманская душа может и имелась у Петра с темным цветом лица, а вот христианская душа в царя не просматривалась.

Федя, который даже к четырнадцати годам еще не обрел интереса к девицам, смотрел на плотские утехи царя Петра с некоторой брезгливостью и даже отвращением, находя в обращении царя с девками то же непотребство, за которое Господь уничтожил небесным огнем древние города Содом и Гоморру, где ханаане занимались плотскими извращениями.

Пока царь Петр ублажал свою плоть с девками, Федя проводил свободное время за чтением книг, которые ему давал Зотов из царской библиотеки. Книги эти были в основном духовного содержания, но встречались иногда и светские с описанием разных стран и народов и событий, происшедших в этих странах, что очень привлекало Федю, который еще ничего не видел в своей жизни: ни других стран, ни других народов, поскольку жил поначалу в селе, потом в монастыре, затем в Москве на Патриаршем подворье и вот теперь в царском дворце в Преображенском.

Летом, когда темнело поздно, Федя садился с книжкой возле людской избы, где жили слуги, не имеющие семьи и где ему отроку тоже был выделен угол с топчаном, набитом соломой, возле которого стояла котомка с вещами Феди: вещей этих было у него немного: запасной

кафтан слуги с портками, исподнее белье, деревянный крест на бечевке, что повесила ему мать поверх нательного креста, когда благословляла сына на службу в монастырь.

Еще в вещах было металлическое зеркало, отполированное до блеска ртутью, в которое можно было поглядеться, если вдруг на лице вскочил прыщ или заболел зуб. И самая ценность Федя – это книга «Житие святых», где были описания жизни святых пророков и праведников земли русской. Из этих жизнеописаний Федя и познавал давнюю жизнь в святой Палестине и на земле русской в прошлые времена. Прочитав что-нибудь о чудесах, сотворенных угодниками, Федя представлял себя на месте этих святых, и тогда мысль приводила его к таинственным городам и землям, где он обладал могуществом этих святых и совершал подвиги, помогая людям побеждать злых врагов-басурман и нехристей, или он, словно богатырь из сказок, побеждал и соловья-разбойника и змея Горыныча и всякую нечисть болотную и лесную.

Зимними вечерами, когда на дворе холодно, а в людской темно и читать невозможно, а царь Петр, занимаясь с очередной девкой, прогонял Федю прочь, говоря, что он царь и все что из него выходит, тоже царское и потому подтираться не надо, если он справит нужду, с чем Федя был согласен: Петр и без этого был всегда грязен: ел он неряшливо, хватая куски мяса руками и вытирая руки о мундир офицера иноземного строя, который к вечеру замасливался словно кухонная тряпка. Федя, получив свободу, проводил вечера с истопником Акимом – бывшим солдатом, получившим увечье руки в Чигиринском походе царя Федора Алексеевича, предшественника царей Петра и Ивана.

Акиму было за сорок лет, он слыл бобылем и жил в избе на окраине царской усадьбы.

Истопник Аким разжигал огонь в печах царского двора, чтобы прогреть горницы и спальни на ночь и устроить обитателям дворца теплый ночной сон. Федор ходил за истопником, помогая ему растапливать печи и подкидывая в них поленья по указанию Акима. Закончив растопку печей и заполнив их поленьями, Аким обычно присаживался возле одной из печей, открывал дверцу и, застыв в неподвижности, смотрел, не мигая, на языки пламени, охватывающие поленья, которые истончались под напором огня, давая ему полную силу до тех пор, пока от поленьев не оставались лишь раскаленные угли, которые догорая, превращались в пепел.

– Вот и жизнь наша будто огонь в печи: от рождения разгорается, как при растопке, потом горят пламенем годы отрочества, юности и зрелости, а затем идет на спад, к старости, оставляя лишь угли и пепел от прожитой жизни. Хорошо если этим своим жизненным огнем человек обогрел других: жену, детей и прочих родичей и хороших друзей, а если не обогрел, то значит, жизнь свою прожил впустую, зря и я полагаю, что таким людям не место в раю, потому что самый большой грех человеческий – это прожить жизнь впустую, а еще хуже, если прожил свою жизнь в ущерб другим людям и за их счет, нанеся им обиды и притеснения своей злобой и завистью.

Я думаю, что именно злоба и зависть и есть худшие свойства плохого человека, потому что злоба лишает человека разума, а зависть пробуждает в нем подлость и предательство.

Здесь, во дворце, вся жизнь построена на зависти: бояре завидуют царям, дворяне завидуют боярам, вольные люди завидуют дворянам, холопы завидуют вольным и лишь цари наши никому не завидуют, потому что среди людей им завидовать некому, а богу завидовать не приходится, ибо Господь и так дал царям власть большую над всеми людьми, что ходят под царем.

Я слышал, что есть заморские страны, где люди избавились от царской власти и потому перестали им завидовать. Если это так и есть, то хорошо бы сделать всех людей равными между собой и тем самым избавить их от зависти. В Писании так и сказано, что Господь, сотворив землю и воду, солнце, деревья и траву, зверей и птиц и всякую живность, на седьмой день творенья создал человека по своему образу и подобию, и чтобы этот человек по имени Адам вместе с Евой, созданной Богом из ребра адамова, создавали дальше людей в грехе, но равных себе по положению. Но лишь только люди начали плодиться, как среди них появилась

зависть, которая словно ржа начала разъедать человеческие души, уничтожая в них все хорошее и оставляя в душах только тлен и пепел, как от сгоревших поленьев.

Царь наш, Петр, еще выюноша и нет в нем места зависти, потому что он наполнен до краев своей души, словно сосуд, непонятной злобой ко всем нам, русским людям, и к нашей жизни.

Казалось бы: живи царь Петр и радуйся, заботься о своем народе, как отец родной, когда подрастешь и обретешь свою власть, так нет же – ничего русское, православное ему не мило – не зря же он своих потешных солдат одел в западные кафтаны, и офицеров-латинян поставил над солдатами.

Мнится мне, что царская злоба Петра изольется на весь русский народ и устроит этот царь нам большую войну и смуту внесет в наши души, заставив поклоняться обычаям немцев и басурман, – закончил Аким свое размышление, не заметив, что размышлял-то он вслух, а слушал эти мысли царский слуга Федя, хотя и отроческих еще годов, но разумный чистыми помыслами, несмотря на грязную службу, что исполнял он при царе Петре и по его царской воле.

Федя, ничего не ответив на слова Акима, которые он обдумает после, спросил истопника:

– Расскажи-ка дядя Аким как ты воевал, и где повредил руку, из-за которой остался без семьи и в царских истопниках. Мне интересно это знать: возможно, придется воевать, если царь Петр затеет войну, а может всю жизнь придется быть царским слугой и выполнять эту грязную службу, которой наделил меня царь Петр, когда был еще мальцом, как и я тоже. Четыре года прошло, царь Петр уже девок дворовых портит, а меня не освобождает от службы золо-тарем.

– Твоя служба, Федя, обидная и грязная, но не сложная. Воинская служба тоже грязная, но и тяжелая, а потому Федя не стремись попасть на войну, – отвечал Аким, оживившись о воспоминаниях своей молодости. – Я в стрельцы попал за своим отцом следом, чтобы семье осталась усадьба и жалованье, потому что отец захворал, харкал кровью и не мог нести службу.

Через год или больше, случился в стрелецкой слободе большой пожар ночью и в том пожаре сгорели мои отец и мать и две сестры младшие: так я и остался бобылем. Десять лет я нес службу здесь в Москве и даже присмотрел себе невесту тоже из стрелецкой семьи, но не успел с ней обвенчаться, потому что послали наш полк воевать в Малороссию против турок.

Там, под Киевом есть город Чигирин, вот его мы отбили у турок, правда не сразу, но отбили и стали там гарнизоном. Турки с таким делом не смирились и, собрав большое войско, осадили этот городок. Мы храбро бились, но пришлось отступить под напором турок: вот при отступлении я и был ранен в руку, пуля перебила сухожилие, руку мне скрючило, и стал я негоден к воинской службе.

Вернулся в Москву, где у меня не осталось ни кола, ни двора, и определился на службу истопником здесь в Преображенском. Зимой печи топлю, летом слежу за заготовкой дров да ремонтом печей – так жизнь и течет, скоро лет десять будет, как я в истопниках хожу, – закончил Аким свои слова и снова обратил взгляд на языки пламени, что разгорались в печи: за разговором Аким подбросил в печь поленьев и теперь огонь жадно охватывал их, вызывая гудение в печи своим неистовством.

– Гляди, Федя, какая хитрость в огне: сколь не кидай в печь поленьев, огню все мало и никогда он не насытится, а дай волю и выпусти огонь из печи, он все палаты пожжет и другие избы в селе, до которых сможет добраться с помощью ветра.

Так и среди людей есть такие, которым все мало, чего ни дай, и если люди эти не получат укорот своей жадности, они даже могут принести вреда другим, не хуже этого огня.

Вот и разумеи, Федя, когда подрастешь, каких тебе людей стоит держаться: жадных, как этот огонь или довольствующих тем, что есть сейчас. Будешь стремиться к чему-то, что холопу не дозволено, можешь обжечься до смерти, а будешь умерен в своих желаниях и удовлетво-

ваться тем, что есть, – глядишь и проживешь жизнь честную, которая откроет тебе двери в рай, когда попадешь на тот свет, как говорится в Писании.

– Сомневаюсь я, дядя Аким, что на том свете другие порядки, чем на этом, – возразил Федя, – смотри: царь наш Петр черен телом, словно арап, и душа у него не светлее сажи, потому что девок сильничает, а прелюбодеяние есть грех смертный, и ничуть Петр не опасается за свою участь на том свете – надеется, видимо, что Господь и там даст ему хорошую долю.

И еще дядя Аким, я никак не могу уразуметь, почему у каждого народа свой Бог. Вот у турок есть Бог, называется Аллах, у латинян тоже бог Христос, но почему-то другой, чем у нас, потому и веры у нас разные. Так какой же бог является истинным: наш, православный или басурманский Аллах или латинский Христос? Бог же может быть только один, как бывает один отец и одна мать у каждого человека. Поясни мне, дядя Аким.

– Не думай об этом, Федя, не нашего ума это дело. Пусть попы разбираются в богах, а нам следует молиться нашему Господу и просить милость у него, как ее просят басурмане у своего Аллаха. Есть и другие боги у других народов. Я так думаю, что Господь-то один, но называется он по-разному у других народов, потому что обычаи у этих людей разные. Спроси, Федя, меня про что другое, а не про бога нашего, которому я простить не могу, что позволил он сгореть заживо всей моей семье и определил мне участь бобыля истопником здесь в царской усадьбе. Давай-ка я расскажу, как воевали мы с турками, – закончил Аким и принялся рассказывать Феде про осаду турками Чигирина и как русские войска вместе с казаками храбро бились за этот город, но иностранцы-генералы и воеводы-князья неправильно распорядились войсками и туркам удалось взять город Чигирин, но басурмане были так поражены храбростью русских воинов, что турки согласились на мир, уступив Малороссию под власть православного царя Федора Алексеевича.

Под такие разговоры Федя иногда засыпал, и истопник Аким, накрыв отрока тулупом, уходил смотреть за другими печами, а возвратившись не заставал Феда: тот проснувшись, уходил на свое место в людской, где заметив его отсутствие, могли учинить розыск и обнаружив мальчика возле печи вместе с истопником, наказать Акима: дружба между слугами не разрешалась в Преображенском по указанию Медведихи, которая считала, что холопы должны, словно собачки, служить господам, а дружба это удел знатных людей.

Прошел еще год царской срамной службы Феде, который сильно подрос, окреп и стал выглядеть почти взрослым – даже золотистый пушок покрыл его щеки и подбородок, что говорило о наступлении мужской зрелости.

Наблюдая как царь Петр пользуется девок, Федор уже не испытывал отвращения от вида обнаженного девичьего тела в похотливых объятиях царя: напротив, ему иногда хотелось, как в сказке, освободить красну девицу от Кощея Бессмертного, а взамен получить ласку девушки за свое избавление от насильника.

Но эти мечты так и оставались мечтами, пока однажды горничная девка, которую царь Петр не единожды пользовал, по согласию с матерью, в своей спальне, не затащила Феда в царскую опочивальню, где делала уборку, и, бросившись навзничь на кровать, бесстыдно заголила подол сарафана и, раздвинув ноги, затащила Феда на себя, тихо приговаривая: Давай, Феденька, ублажи меня мужской ласкою, иначе скажу Петру, что ты хотел взять меня силой и тогда не сносить тебе головы. Ты же знаешь, что царь не терпит с кем-нибудь делиться девкой, если он сам этого не пожелает.

Кровь ударила Феде в голову при виде женской наготы, и он неумело, но несколько раз подряд, овладел девицей по имени Маша, чувствуя как плотская страсть нарастает, изливается вглубь, ослабевает на мгновение, но потом возвращается вновь, чтобы снова излиться в теплоту женского тела.

Наконец, утолившись окончательно, он освободил девку, которая вскочив с кровати, быстро оправила сарафан и пошла прочь, сказав Федору: Эх, если бы царю Петру дать твое

обличье и ласковое обращение с женщиной, то такому царю цены бы не было. Жаль, Федя, что ты холоп, но и в холопе есть для девицы мужская утеха. Теперь я тебя буду пользоваться при всяком удобном случае и будь осторожен, не проговоришься, иначе нам обоим несдобровать от царского гнева.

Федор посмотрел вслед девке, которая шла, покачивая бедрами, походкой женщины только что получившей плотскую утеху от мужчины и задумался над ее словами о царском гневе. Он, будучи постоянно рядом с Петром, как никто другой знал безмерность его гнева и злобы, если что-то происходило не по его желанию и повелению, а помимо его воли. Здесь пощады ждать не приходилось. И как ни сладка была первая близость Федора с девкой Машей, если такое будет повторяться, то не избежать ему огласки и царской злобы.

К вечеру царь Петр возвратился от своих потешных войск, где провел весь день в маневрах, муштруя солдат гусиному шагу, и как всегда ему захотелось девки. Он послал за какой-нибудь горничной, и, по случаю, посланному слуге попала на глаза девка Маша, которую он тотчас и привел к царю для утех. Проходя мимо Федора, девка Маша подмигнула ему и ничуть не стыдясь, легла на царское ложе точно так же, как днем ложилась перед Федором.

Царь занимался девкой грубо и долго, а насытившись, приказал ей уходить прочь, дав за утеху серебряный рубль.

Федор зашел в спальню, как бы за горшком, который оказался пуст и почувствовав, что Петр находится в добром расположении духа, осмелился попросить: – Ваше величество, позвольте мне навестить отца с матерью, которых я не видел более пяти лет. Это совсем рядом, под городом Дмитровом: я их навещу и тотчас вернусь выполнять свою службу. Петр было нахмурился неуместной просьбе холопа, но вдруг решил проявить милость и сказал:

– Ладно, Федька, так и быть разрешаю тебе проведать родителей. Даю на это две недели вместе с дорогой. Вот тебе рубль серебром на подарок им и скажи дьяку в приказной избе, чтобы выписал тебе подорожную грамоту – иначе могут принять за беглого и возвратить в Москву: второй раз я уже не разрешу, потому что привык к тебе, хотя и не стал ты мне подмогою в моих забавах и воинских играх. А теперь пошел прочь, и чтобы духу твоего здесь завтра не было, иначе могу переменить свою волю.

Обрадованный Федор убежал собирать котомку и выписывать подорожную, а Петр задремал после целого дня забот среди потешных солдат и этой девки, что подвернулась ему для утех: дело это хотя и богоугодное, но при ежедневном употреблении изнуряет плоть даже такого крепкого отрока каким женоневостовством обладал царь Петр.

Утром следующего дня Федор с котомкой на плече вышел из усадьбы и направился к Дмитровской дороге, чтобы попутной повозкой добраться до Дмитрова, а там и родное село рукой подать.

К вечеру второго дня Федор уже входил в отчее село и, миновав несколько изб, остановился у плетня, огораживающего отчий дом с улицы. За плетнем на лужайке копошились трое ребятишек мелкого возраста – не более четырех лет старшему. Федор толкнул калитку, вошел во двор, и тут из избы выглянула его мать посмотреть, кто же это вошел во двор. Увидев Федора, она материнским чутьем узнала в нем своего сына и опрометью бросилась Федору на шею, который подивившись, что мать ниже его на голову, крепко прижал ее к своей груди.

– Феденька вернулся, – всплакнула мать, прижимаясь к сыну. – А мне сегодня сон странный снился, будто мы с отцом на покосе, а ты, маленький еще, сосунок, лежишь в корзине на опушке леса. Я никак не могла взять в толк к чему этот сон, а он оказался к твоему возвращению: недаром говорят, что материнское сердце вещун. Как тебе, Феденька, удалось вырваться из неволи, в которую мы с отцом сами тебя и отдали, надеясь что при монастыре, со своей грамотностью ты выдвинешься в люди и нам, грешным поможешь вырваться из монастырской кабалы?

Так я, мама, лишь на свидание к вам прибыл и через десять дней должен возвратиться к своей службе при царе Петре – иначе буду считаться беглым холопом. А где отец-то?

– Известно, где крестьянину быть в июне месяце, если не на покосе. Там он на лугу вместе с твоим старшим братом и сестрой сено заготавливают на зиму нашим буренкам и коню, дай бог им здоровья.

Трудом своим мы немного приподнялись, но из монастырской кабалы так и не выбрались в податные крестьяне. Податным-то много легче живется: уплатил подать со двора и все остальное твое, а в монастырской кабале, кроме подати со двора еще и оброк монастырский тяни, и еще мелкие подати подавай монастырской братии: за корову, за коня, да ты у отца сынок потом спросишь: он у нас голова всему и лучше меня во всем разбирается.

Он же грамоте по твоим стопам у дьячка выучился хоть и не так бойко как ты, но умеет читать и считать, письмо только ему не далось, так оно крестьянину не нужно вовсе, кому писать-то? Твоему царю Петру с жалобой на монастырские поборы? Так верхние люди всегда заодно против крестьянина. Как говорится «ворон ворону глаз не выклюет», так и царь Петр, монахам перечить не будет, даже если в силу войдет. Мне отец-то толковал, что всеми делами в государстве пока заправляет царица Софья, а цари малолетние Иван и Петр при ней вроде сосунков: на прикормке, но без власти. Так ли это?

– Так, мать, так. И это хорошо, потому что царевна Софья в полном разуме и по-женски терпима, тогда как царь Иван немного не в себе и с головой не дружит, а царь Петр больно яростен в гневе и ждать больших бед нам придется, когда он власть приобретет.

Ладно, мать, о делах, кто эти дети, что во дворе копаются?

– Это Феденька, твои младшие братья и сестра. Бог нам с отцом еще деточек послал, когда ты из монастыря уехал. Видно, хотел возместить нам с отцом грех наш, что отдали тебя в монастырь вместо кабальной подати.

Это сколько же теперь у меня сестер и братьев, – подивился Федор. – Пять братьев у тебя и две сестры, старший брат Сергей уже в возраст мужа входит и собираемся осенью его оженить на сельчанке, что ему приглянулась из тягловых крестьян и согласилась выйти за холопа монастырского и отец ее вроде не против.

А взамен сестра твоя Марья выйдет замуж за сына этого крестьянина и будет у нас с ними двойное родство. Двое братьев Семен и Григорий, что родились после тебя, пошли за коровами на выгон, а остальные малыши здесь, перед тобой на лужайке кувыркаются по малолетству. Была еще одна дочка, но померла при родах неудачных.

– Значит, при родителях живут семеро детей, – прикинул Федор в уме, – всего получается семья из десяти человек, так – то семья Малых не сгинет в далеком будущем, если не будет моровой болезни, что сгубила дедов и бабушек наших.

Мать проводила Федора в избу, налила молока, дала ломоть хлеба и начала его расспрашивать о московской жизни сына при царе Петре. Федор отвечал коротко, не вдаваясь в подробности, что за службу он несет при царе Московском.

За разговором повечерело, и вскоре в избу вошел отец со старшим сыном и дочерью, что были рождены до Федора, а также с двумя подростками – погодками, что родились при Федоре: Семеном и Григорием.

Отец обрадовался возвращению сына, перед которым считал себя виноватым за отдачу его в кабалу монастырскую, но тут же и огорчился, узнав, что Федор приехал показаться и должен возвратиться в Москву на царскую службу.

За разговором наступила поздняя летняя ночь и все семейство Малых отошло ко сну, каждый разошелся на свое место в избе, а Федор ушел спать на сеновал, где еще остались охапки прошлогоднего сена.

Федор долго не мог заснуть, ворочаясь на охапке сена. Он вспоминал встречу с матерью и отцом и лишь теперь поразился тому, как они постарели: отцу не было еще и сорока лет, а

борода была совсем седой. Матери едва минуло тридцать пять, но и она поседела и сгорбилась, словно старуха. – Да, нелегкая это доля, работать на земле, – размышлял Федор, пока сон незаметно не прервал его думы и унес в волшебную страну, где все люди счастливы, молоды и свободны, как в раю, о котором он читал в божественных книгах.

Утром спозаранку, его разбудило петушиное пение, от которого он отвык во дворце, ибо там петухов не держали, чтобы их дурные крики не будили царское семейство чуть свет.

Приезд сына конечно важен, но еще важнее накопить сена для скотины, и все семейство Малых, позавтракав кашей с молоком, отправилось на луг докашивать свой надел, что выделила община. Федор пошел вместе с отцом и хотя за годы царской службы он отвык от крестьянского труда, но помощь семейству оказал.

Вечером, за ужином, Федор положил на стол перед отцом одиннадцать серебряных рублей, что накопил от царских подачек: как холопу, живущему при дворце, ему жалованье не полагалось, но царь Петр иногда давал ему рубль – так и накопились эти монеты, что Федор выложил перед отцом.

Отец, не поверив своим глазам, спросил сына, отдает ли он эти деньги семейству и, получив утвердительный ответ, сразу оживился: – За пять рублей я выкуплюсь из монастырской кабалы вместе с семейством, за пять целковых куплю лошадь и на рубль мы справим осенью две свадьбы: сына Сергея и дочери Марии.

Откупившись от монастыря, я запишусь в податные крестьяне, и будем мы всем семейством жить много лучше, ибо подать со двора много меньше монастырской кабалы. Ну, спасибо сынок, выручил ты наше семейство, видать не ошибся я, когда отдал тебя монастырю, хотя и бранил себя за такой поступок все эти годы.

– Ладно, отец, не упрекай себя: что было, того не исправить, мне деньги при царской службе пока не нужны, а там, если бог даст, то и я освобожусь от холопской доли, и вернусь домой свободным человеком.

Дни в родной хате пролетели незаметно, и настала пора Федору возвращаться к царю Петру для продолжения своей службы, а в чем эта служба состоит, он так и не сказал никому. – Пусть родители думают, что их сын хорошо живет при царе, – так решил Федор, чтобы не огорчить родителей.

Провожая сына, мать привычно всплакнула, потому, что провожала его, не зная: доведется ли снова встретиться, поскольку Федор нечаянно обмолвился, что царь Петр скоро вступит в возраст и начнет править сам, а поскольку он жесток и гневен, то неизвестно, что он затеет и как будет устроена жизнь слуг и холопов при таком царе, а о людской жизни и говорить нечего – царь Петр людей не жалеет и в их нужды не вникает, потому что главное для него это удовлетворение своих желаний.

Через два дня Федор возвратился в Преображенское и тотчас, отыскав царя в лагере потешных войск, показался ему на глаза, но был прогнан прочь, потому что Петр занимался любимым делом: игрой в войнушку и за игрой не терпел никаких других дел.

Вечером Федор показался в спальне царя, вынес горшок ночной, потому что царь, покувыркавшись в постели очередную девку, потом опростался в горшок на глазах этой девки, прежде чем прогнать ее вон – девка эта плохо ублажила царя, за что и была изгнана из спальни.

Только тогда Петр обратил свой взор на Федора, сказав: – Не видать тебе больше свидания с родителями, поскольку девка, выполняя твое дело, с ним не справилась и подтирала мне зад плохо и неприятно. Поэтому я тебя отпускать впредь не буду, если не изменю своего решения. Я царь и могу перемениться к тебе, если ты будешь угождать мне и впредь.

В людской Федор узнал новость, которая его ошеломила: девка Машка, что совратила Федора в царской опочивальне, была застигнута царем на конюшне, где она предавалась прелюбодеянию вместе с конюхом. Царь оскорбился, но поскольку девка это ему уже надоела, то

он приказал всыпать обоим по десять плетей, потом оженить девку и конюха и выслать их в дальнее село для крестьянской работы.

Федор похвалил себя за то, что вовремя уехал, иначе на месте конюха мог оказаться он, уступив распутной девке, и наказание царя ему было бы более жестоким, чем конюху.

Служба при царе продолжалась, и впереди Федору чувствовались новые дела, что затеет царь Петр, когда обретет полную власть.

Обретение власти

Петр, став царем в 10 лет вместе со своим братом Иваном только считались царями: за них, по причине малолетства, правила их сестра Софья, называемая Правительницей и правила она довольно успешно целых семь лет, благо, что цари Петр и Иван, совсем не интересовались делами государства. Петр продолжал играть в солдатики, но уже не в деревянные игрушки, а в живых людей, которых назвал «потешными», определив в полки: Преображенский и Семёновский, по названию сел, где они располагались, и целыми днями учил их маршировать и играть в «войнушку» под надзором иностранных офицеров, набранных по такому случаю в Кукуевской слободе.

Иван же проводил время за чтением богословских книг и в молитвах, отчего и прослыл не вполне душевно здоровым.

Правительница Софья навела некоторый порядок в государственных делах, успокоила стрельцов оплатой и некоторыми поблажками по службе и укрепилась в своем положении настолько, что мечтала продлить свое правление как можно дальше. Для этого ей требовались какие-то крупные успехи, и она решила, что таким успехом будет завоевание Крыма, чтобы избавиться от набегов крымских татар, постоянно совершавших набеги на южные окраины Московского царства и опустошавших города и деревни, увозя русских людей в татарский плен, и затем перепродавали их в Турцию.

«На всех военных судах турок не видно почти никаких других гребцов, кроме людей русского происхождения, а в городах и местечках по всей Турции, Палестине, Сирии, Египту и Анатолии, и по всему турецкому царству, видно такое множество русских пленных, что они обыкновенно спрашивают у наших; остались ли еще на Руси какие-нибудь люди?»

Царевна Софья назначенная правительницей при малолетних царях Иване и Петре не получила хорошего образования, так как царевен в те времена ничему не учили, кроме богословия и их участью было жизнь коротать в царских теремах или по царской воле постригаться в монашки.

Софья, подрастая при отце Алексее Михайловиче, проявив настойчивость и способность, самостоятельно обучилась всему тому чему учили царевичей и потому своими знаниями не только не уступала своим братьям, но и во многом превосходила их проявив дарование и честолюбие.

Когда царем стал ее брат Федор Алексеевич, Софья, будучи старше Федора и неизменно присутствуя при дворе, получила хорошую школу управления государственными делами.

«Довольно важное значение в воспитании царевны имел известный богослов Симеон Полоцкий. Одним из самых ревностных приверженцев ее был монах Сильвестр Медведев, считавшийся глубоко ученым человеком и бывший первым библиографом в России».

Когда, со смертью царя Федора Алексеевича, случилась смута и Нарышкины провозгласили с помощью стрельцов царем Петра, которому едва исполнилось десять лет, Софья, видя полную непригодность к правлению Петра, который в свои десять лет не умел ни читать, ни писать, обратилась к народу со словами: «Видите как брат наш, царь Федор, неожиданно отошел с сего света, отравили его враги злопыхательные; умилосердитесь над нами сиротами: нет у

нас ни матушки, ни брата, старший брат наш Иван, не выбран на царство; а если мы перед вами или боярами провинились, то отпустите нас живых в чужие земли, к королям христианским»

Народ принял это обращение к сердцу и волею стрельцов брат Софьи – Иван был избран первым царем, Петр – вторым, а Софья – правительницей при них.

У Софьи имелся друг сердечный – князь Василий Голицын, которому она и поручила захватить Крым и избавить Русь от татарских набегов.

Софья, еще до своего избрания Правительницей, при жизни царя Федора Алексеевича сблизилась с князем Василием Голицыным, привлекая его внимание не столько своей красотой и статью, которые не отличались особенными чертами, но своим умом и воспитанием.

Князь Голицын был знатного происхождения, получил хорошее образование. Еще при царе Федоре III он занимал важные посты в государстве, способствуя реформам царя Федора, важнейшей из которых была отмена местничества, когда на государственные посты назначались люди не по своим качествам, а по положению своих родителей. Особенно вредило местничество в воинских делах, где требовались знания воинского дела и умение, а не прежние заслуги предков.

Князь Голицын при Софье получил звание «царственных больших печатей и государственных великих дел оберегателя» и заведовал иностранными делами. Он вполне мог общаться с иностранцами, поскольку знал латинский язык.

В беседах с иностранцами, Голицын неоднократно высказывал мысли о проведении реформ в государстве по освобождению крестьян и наделению их землей в достаточном размере. Также он высказывал намерение реорганизовать государственное управление на европейский манер и реформировать войско на иноземный строй с постоянной службой солдат и офицеров, чтобы не собирать всякий раз ополчение из необученных и не знающих дисциплины солдат и воевод.

Будучи просвещенным человеком, Василий Голицын не обладал сильной волей и избегал насилия, а потому почти все его намерения так и остались лишь словами, не получив решения в виде царских указов, которые от имени царей Ивана и Петра выпускала царевна Софья.

Летом 1687 года князь Голицын с войском совершил поход в Крым, но ввиду слабой подготовки войска к походу и учиненного татарами степного пожара, войско повернуло назад, не дойдя до Перекопа 200 верст и потеряв в этом походе около 50000 человек.

Неудача похода на Крым поколебала положение Софьи, хотя она и пыталась представить этот поход удачным.

Решив поправить дело, она уговорила князя Голицына повторить поход и через год, в мае 1689 года русские войска снова двинулись на юг, достигли Перекопа, где и остановились перед укреплениями татар. Простояв несколько дней в нерешительности, князь Голицын, без видимых причин, вдруг повернул войско назад и отступил, потеряв по дороге от набегов татар и бескормицы еще около 20000 человек.

В этой неудаче легко можно было обвинить Софью, поскольку походы в Крым были затеяны ею, как бы без воли обоих царей Ивана и Петра, чем и занялись недоброжелатели Софьи, в первую очередь мать Петра – Наталья Кирилловна и ее брат Лев Кириллович.

Медведиха – так называли при дворе Наталью Кирилловну, к этому времени уже успела оженить царя Петра на Дарье Лопухиной и рассчитывала, что Петр, используя момент, отстранит Софью от власти и сам примется управлять Московией при содействии родственников, тоже жаждущих власти.

Но царь Петр, который в свои семнадцать лет едва освоил чтение, писал коряво и знал лишь действия арифметики, вовсе не стремился к власти, а продолжал играть в потешные войска, которых набралось уже несколько тысяч, да забавлялся с женой Дарьей, которая, впрочем, ему быстро наскучила и он ублажал свое женонеистовство со служанками во дворце Преобра-

женского, да в Немецкой слободе, где компанию ему составлял Алексашка Меншиков, которого Петр сделал своим товарищем и напарником по безобразным выходкам.

Медведиха, не надеясь на авось и зная, как легко можно ввести Петра в страх и панику, июльской ночью, ввалилась в царскую спальню и, разбудив Петра, сказала, что слуги видели возле дворца каких-то людей, что прятались в лесу и возможно эти люди посланы Софьей, чтобы убить Петра.

«Петр бежал. Не пытаясь даже проверить полученное известие, и не убедившись, насколько реальна грозившая ему опасность, он босиком вскочил с постели и в одной рубашке бросился в конюшню, вскочил на лошадь, опомнившись лишь в соседнем лесу. Несколько конюхов догнали его, и привезли ему платье.

Несколько офицеров и солдат последовали за ним. Увидев вокруг себя достаточную охрану, не теряя ни минуты времени, не предупреждая мать, пришпорил лошадь и понесся во весь дух в Троицу. Он приехал туда в 6 часов разбитым душой и телом, почти в обмороке; ему предложили постель; он был не в состоянии отдыхать, возбужденный, взволнованный, захлебываясь от слез, испуская жалобы, стоны, он снова и снова спрашивал архимандрита Викентия, можно ли ему рассчитывать на помощь... Слова архимандрита в конце концов успокоили молодого царя».

«... Софья в тот момент не смела и думать о нападении на Преображенский лагерь. Она знала, что он хорошо защищен, содержится в боевой готовности и не удивится никакой неожиданности. Она скорее боялась выступления со стороны потешных полков, возбужденные, пылкие солдаты которых страстно стремились отличиться в каком-либо дерзком деле».

В Троицу прибыли сторонники Петра, а в Москве осталась Софья с несколькими сотнями верных ей стрельцов, но без командира – князь Голицын, струсив, удалился в одно из своих имений и войско, оставшись без руководства, ждало развязки, которая вскоре наступила и показала настоящее лицо царя Петра, обретшего власть.

«Весь кем-то спровоцированный конфликт между регентшей Софьей и опекаемым ею играющим в своем уже великовозрастном состоянии в потешные игрушки Петром окончился, как и все последующие затем «славные дела» одинаково – дыбой в пыточных камерах Преображенского; «кому отрубили голову или вырезали язык, кого били».

Выданный Петру, по его запросу, дьяк Шакловитый, советник Софьи и начальник стрелецкого Указа:

«...Стал ужасным орудием в руках Петра. На допросе под ударами кнута он дал все нужные для обвинительного акта против Софьи и ее соплеменников показания. Шакловитый и его действительные или мнимые, воображаемые товарищи были приговорены к смерти. Медведев (советник Софьи) заключенный с начала в монастырь и подвергнутый ужасным пыткам, разделили их участь. Все были равны перед плахой».

Петр, будто волк, попавший в отару и ошалевший от запаха крови, резал всех, кого считал врагами или на кого указывало его окружение, будто овечек, которые лишь жалобно блеяли, почувствовав волчьи клыки на своем горле.

Софья, не проявив решительности в отстранении Петра от престола, поскольку не имела таких намерений, а лишь желала отдалить, насколько можно дальше, приход Петра к власти, зная его жестокость, ждала своей участи в Кремле, пока царь расправлялся с ее сторонниками.

Закончив пытки и казни, в которых юный Петр участвовал своим присутствием, он написал по наущению матери письмо брату Ивану:

«Милостию Божиею, вручен нам, двум особам, скипетр правления, а о третьей особе, чтобы быть с нами в равенстве правления, отнюдь не вспоминалось. А как сестра наша, царевна Софья Алексеевна, государством нашим учаяла владеть своею волею, и в том владении, что явилось особам нашим противное, и народу тягости и наше терпение, о том тебе, государь, известно. А теперь настает время нашим обоим особам Богом врученное нам цар-

ствие править самим, понеже пришли есмы в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужскими особами в титуле и в расправе дел быти не позволяем, на то б и твоя б, государя, моего брата, воля склонилася, потому что учала она в дела вступать и в титула писаться собою без нашего изволения, к тому же еще и царским венцом, для конечной нашей обиды, хотела венчаться. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас».

Петр этим письмом показал, что желает владеть государством, как он владел девками: силой и принуждением, тогда как Софья лишь правила государством на пользу и благополучие.

Робость князя Голицына, оставившую царевну Софью без решительного воинского начальника и ее нежелание внести усобицу в деле правления государством, привели царевну к краху и зависимости от царской воли Петра, уже вкусившего власти над людьми, как волк вкушает овечьей крови, попав в овчарню.

Софья, потеряв власть, просила царя Петра позволить ей удалиться в любое царское имение по его воле и там жить свободно, как сестра царей Ивана и Петра, но Петр, жестокий, как все трусы, относительно тех перед кем проявил свою трусость, указал сестре удалиться в Новодевичий монастырь, где она должна проживать без права выхода и приема гостей, кроме теток и сестер по большим праздникам.

Царевна Софья была заточена в Новодевичий монастырь, а ее друг сердечный князь Василий Голицын прибыл в Троицу, где ему и сыну его «был прочитан указ, что они лишаются чести, боярства, ссылаются с женами и детьми в Каргополь и что их имение описывается на государя».

Так совершился приход Петра во власть.

«И никакой разницы между игрушечками в войнушку, где под сотню человек за раз бывало убитых и изувеченных, и пыточных увеселениях, где всего-то пару-тройку и замучивает этот «выюнош» в свое «детское» удовольствие, Петр не видел. А потому, сразу же после зверской расправы с мнимыми зачинщиками мнимого путча великовозрастный наружностью, но совсем еще подросток своими недалекими мозгами Петр продолжал свои игрушечные ристалища с живыми солдатами, которые иногда, так забавно, всамделишно, ему на потеху, умирали».

Петр, играя в живых солдатиков, пристрастился ездить в Немецкую слободу, даже став полноправным царем и отдав управление своей матери с приближенными.

В Немецкой слободе Петр сблизился с иностранцами Гордоном и Лефортом, вместе с которыми он веселился, пьянствовал и пользовал доступных девок, которые охотно уступали молодому царю за плату.

«в частной жизни и в увеселениях Петр пользовался полной свободой. Он окружал себя иностранцами, не обращая внимания на то, что этим нарушал господствующие до этого обычаи, оскорблял национальное чувство и патриотизм своих родственников, родных матери и жены и многих вельмож, вызывая осуждение народа, твердо державшегося старых обычаев».

«... народ с ужасом стал примечать, что царь «возлюбил немцев»: в глазах народа это было ересью».

Иногда, посещения царем Немецкой слободы были очень продолжительны и по несколько дней. Отобедав и переночевав всей свитой, а это больше 100 человек, у Гордона, Петр переходил к Лефорту, там попойка продолжалась, потом ночлег у Лефортова «по лагерному» и снова к Гордону, который жаловался знакомому в письме: «Я все еще при дворе, что приносит мне большие расходы и много беспокойства. Мне обещали большие награды, но пока я еще получил мало. Когда молодой царь возьмет на себя управление государством, тогда я, без сомнения, получу полное удовлетворение».

Иностранцам, не имеющим военного обучения, Петр давал звания генералов и своим указом, вопреки матери, положил платить двойное жалованье всем иностранным офицерам и

солдатам, относительно русских служивых, что вызвало отчуждение иноземцев от русских не желающих служить службу под началом иноземцев чуждой веры – латинянами.

Сблизившись с немцами, как на Руси называли всех европейцев не владеющих русским языком, а значит «немыми», Петр не принимал никакого участия в государственных делах, предоставив управление своей матери и родственникам Нарышкиным, особо Льву Нарышкину – брату матери. Петру достаточно было заниматься лишь своим потешным войском, которое он преобразовал в несколько полков с полным вооружением и под командованием своих иноземных друзей Гордона и Лефорта, да пьянствовать и развратничать в Преображенском и в Кукуевской слободе.

Участвуя в пьяных ассамблеях, устраиваемых Лефортом для увеселения царя Петра и его свиты, где принято было напиваться до потери разума и пользоваться, доступных за деньги, немецких фрау, Петр придумал развлечение на свой лад, учредив «Сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший Собор», с князь-папой во главе и с архиереями– кардиналами, куда записал всех своих друзей-собутыльников и развратников.

Собор этот был пародией на устройство русской православной церкви и целью имел проведение соборных заседаний для выпивки и плотских утех без всяких ограничений и приличий. На соборе принято было говорить исключительно матом, передразнивая церковные службы и молитвенные слова, так что анафемство звучало как ебиматство и прочие, противные православному уху слова.

Князь – папой был избран Матвей Нарышкин, и Петр со свитой устраивал собрания собора, выезжая из царской усадьбы на повозках или санях, запряженных свиньями, козлами, а сами одетые в вывернутые шубы, чтобы походить на баранов, козлов и медведей.

Избранный князь-папой Матвей Нарышкин был посажен в ковш с вином, где должен был напиться до невразумления в окружении членов собора и гостей, многие из которых напиваясь, снимали с себя одежды и продолжали веселиться нагишом, предаваясь свальному греху.

Народ, видя такое царское веселье думал: «Пришла кончина света и антихрист настал. И какой Петр царь... От такого царя нужно отступать, не надо его ни слушать, ни платить ему податей»

«Что это за царь? Это – турок! Он в среду и в пятницу ест говядину... Жену заточил, с иноземкой живет!.. Невозможно, чтобы человек этот, для которого нет ничего святого в том, чем живет и во что верит вот уже сотни лет Святая Русь, рожден был от русских родителей. Он, наверное, сын немца. Это сын Лефорта и немки, им подменили в колыбели дитя Алексея и Натальи», восклицал на допросе один из обвиняемых в заговоре стрельцов.

Всепьянейший Собор имел свой устав. В уставе подробнейшим образом определены члены Собора и способы избрания «князь-папы» и рукоположения всех членов пьяной иерархии.

Собор полностью воспроизводил всю церковную иерархию и все церковные обряды.

Федор был в числе слуг постоянно сопровождающих царя во всех его делах и развлечениях. Причина такого указа Петра была ему неизвестна. Видимо, царь держал его при себе на всякий случай: вдруг с ним случится «медвежья» болезнь расстройства желудка, тогда Федор приведет царя в порядок вместе с другими слугами, которым не следует лицеизреть причинное место царя, хотя Петр, в пьяном виде иногда заголялся прямо на людях во дворе усадьбы или в комнатах дворца и справлял нужду без всякого стеснения, чувство которого было ему неизвестно.

Присутствуя среди слуг на пьяных ассамблеях и Соборах, Федор с болезненным отвращением наблюдал, как царь Петр и его друзья из свиты и немцы напиваясь, теряли человеческий облик, рыгали на пол или в миски на столе, заголялись бесстыдно и справляли здесь же у столов нужду или пользовали блудных девок, а иногда и немецких жен на виду у их мужей,

которые не выказывали недовольства, зная, что царь потом оплатит все издержки и плотские услуги жен золотыми дукатами.

От неумеренного пьянства князь-папа Всеппянейшего Собора боярин Матвей Нарышкин вскоре помер и на его место был избран дьяк Никита Зотов, знакомый Федору еще по юным годам Петра, хотя ему на это время только исполнилось двадцать лет.

При такой разгульной, богопротивной жизни, Петр не имел влияния на государственные дела, поскольку в них не участвовал. Даже тогда, когда он был должен участвовать, Петр лишь подписывал подготовленные указы или одобрял своим присутствием решения Думы. Дела государственные ему бывали скучны и непонятны, в отличие от военных игр и пьяных веселий, которые случались почти ежедневно, ибо Устав Всеппянейшего Собора гласил, что целью членов Собора есть питье каждый день до состояния полного невразумления. Сам Петр называл увеселения с выпивкой «обратиться к Ивашке Хмельницкому».

Однако Петр хмелел медленно и после всех: из-за природной способности или потому, что любил пить уксус и оливковое масло, которые, видимо, снижали действие вина.

Будучи трезвее всех, кроме слуг, которым выпивка не позволялась, Петр ходил по залу и слушал разговоры пьяных собутыльников: не затевается ли какой заговор против него, и не дай бог кому-либо плохо отозваться о царе и его действиях: такой собутыльник следующим же днем изгонялся из царской свиты и ссылался в отдаленное место службы, без надежды вновь возвратиться в Москву.

Петр считал, что пьянка развязывает языки лучше, чем пытка, однако пользовался и тем и другим.

Надежным соратником Петру во всех его делах и забавах, оказался Алексашка Меншиков, который стал закадычным другом царю. Он быстро освоил все воинские навыки в потешных войсках, выучился стрельбе и владению шпагой, был неумом в плотских забавах, пользуя девок после Петра и подкладывая царю новых, что выискивал среди служанок во дворцах или среди фрау в Немецкой слободе.

Алексашка чутьем зверя понимал настроение Петра и умел вовремя услужить, предупреждая желание царя, так что Петр неизменно оставался доволен действиями друга сердечного, потому, что царь неоднократно и под кураж пользовал Меншикова содомитским грехом, так же как и своего второго друга – Лефорта, хотя тот и носил чин генерала, а Алексашка был лишь капралом. – В этом деле не чин имеет значение, а задница, – однажды пошутил царь на желание Лефорта уклониться от царского вожделения. Русский Меншиков и немец Лефорт оказались одинаково бесстыдны в стремлении обрести царскую милость, а с нею положение при дворе и деньги, до которых оба оказались весьма охочи.

В забавах разгульной жизни Петра минуло четыре года. Царь по-прежнему не имел старания заниматься государственными делами, где всем вершила его мать Наталья Кирилловна вместе с братом Львом и Борисом Голицыным. За это время жена Петра – Евдокия, родила ему сына Алексея, но не смогла понять разгульную жизнь царя и он, фактически оставив жену с сыном, продолжал свои увлечения-развлечения, словно и не было у него жены.

Здесь-то и случилось с Федором несчастье: когда он следовал из лагеря войск в Преображенский дворец на него напали разбойники и жестоко избили царского слугу, порезав ножом ему щеку и повредив левый глаз, который вытек, оставив пустую глазницу, прикрытую веком. Федор с трудом добрался до дворца, где царский лекарь сделал ему перевязку и помазал мазью раны, чтобы они не воспалились.

Федор не смог идти на царскую службу, о чем Петра предупредил другой служка. Петр, встревожившись, навестил Федора в людской и пообещал отыскать разбойников и жестоко наказать их за нападение на царского слугу, что считалось преступлением и каралось смертной казнью.

Неделю спустя Федор приступил к своей службе и, впервые после увечья, подтирая зад царю, услышал от него участие:

– Как Федор, с одним-то глазом справишься или мне надобно другого слугу искать? Хотя нет, не будет у меня другого золотаря: я к тебе привык и оставляю тебя при себе и впредь. А то, что стал одноглазым это даже и хорошо – девки не будут на тебя заглядываться и отвыкать от царского тела.

Не следует золотарю заводить себе зазнобу и потом просить разрешения на женитьбу. Ты мне нужен одинокий и без соблазнов, каким был и прежде. Теперь ступай прочь, я девку жду, что мне приведет Алексашка и мы вместе будем ее пользоваться, но сначала, конечно, царь и затем уже друг сердечный – Алексашка.

Федор ушел так и не узнав никогда, что нападение на него разбойников случилось по указанию Петра, которому Анна Монс – девка из немецкой слободы, которую царь Петр пользовал уже несколько лет, как-то сказала после плотской утехы, что слуга его, Федор хотя и при грязной службе, но весьма привлекателен и будь на то царская воля, она бы не прочь предаться блуду с этим слугой, который, видимо, еще не пробовал женщину.

Петр не забыл этих слов Анны и по своей натуре организовал Меншикову напасть его приятелям, из потешных, на Федора и покалечить ему лицо, чтобы лишить привлекательности для девиц, но оставить способным продолжать царскую службу.

Алексашка исполнил поручение в лучшем виде. Федор был покалечен, а разбойников, конечно, так и не отыскали. Так неосторожное слово немки Анны Монс и зависть Петра к привлекательному слуге привели царя к подлому поступку, которые он совершал и ранее, и будет совершать впредь, потому, что обладая злобой и завистью, он имел еще и власть, чтобы эти подлые чувства удовлетворять по своему желанию.

Азов

В 1694 году скончалась царица Наталья – мать Петра, которая фактически правила страной вместе с братом – Львом Кирилловичем, в то время, как Петр играл в войну со своими «потешными войсками» в Преображенском, да навещал Немецкую слободу, где завелась у него пассия – Анна Монс и образовался друг – Франц Лефорт, организующий Петру застолье и доступных девок, если Анна Монс по женскому недомоганию не могла принять Петра, который в плотских утехх не знал перерыва и требовал девку каждый день, а то и не единожды.

«И девки его с самого начала интересовали именно закордонные – со своими нравами. И именно в Кукуевской слободе первой любовницей Петра стала бывшая любовница Лефорта – Анна Монс. Нравы же этой девицы были таковы, что когда ее супруг Кайзерлинг стал слишком настойчиво домогаться от Петра сделать уступку по поводу повышения по службе очередного ее родственника, то на обвинения в соблазнении своей пассии Петром, Меншиков отреагировал следующими словами «Ваша Монс... я обладал ею так же как и вы, все другие. Отстаньте с нею».

А таковых любовниц у Петра, которыми также обладали и «все другие» было немалое количество. Потому и невозможно определить, какие дети, рожденные от его любовниц, были его собственными, а какие Меншиковых, Лефортых и т.д.»

«Вступал же в обладание ими он по разному: кого покупал, кого упайвал, а кого и просто насиловал».

Но наступила пора управлять государством, и к этому управлению Петр приступил в свойственной ему импульсивной манере, сходу.

Прежде всего, ему не терпелось «поиграть» в настоящую, а не «потешную войну» и тут Франц Лефорт, которого Петр произвел из аптекаря в генералы, посоветовал царю совершить завоевание Азова: тем самым напор турок на Европу ослаблялся, а Петр начинал свое цар-

ствование со «славных дел» – завоевания Приазовья и выхода России на южных рубежах к Азовскому морю и устью Днепра.

– Теперь время удобное: у султана три больших войска ратуют в Венгрии с императором... У турок и татар была война с немцами, – так думал Петр.

Петр устраивал «потешную» войну под Кожуховом, где два полка его потешных войск осаждали город Кожухов, а два полка его защищали, а потому Петр считал себя готовым к настоящей войне.

Выход к Черному морю был мечтой многих правителей России. Даже Лжедмитрий собирался в поход против турок и татар, но не успел. При царе Федоре Алексеевиче предпринимались два Чигиринских похода против турок и хотя удалось отстоять Малороссию от захвата турками, но в целом эти походы не привели к победе. Еще более плачевными были Крымские походы при царевне Софье, которые в итоге и привели ее к потере власти. Отношения с турками и татарами после этих походов были неопределенными: ни войны, ни мира.

Крымский хан требовал, чтобы Россия продолжала платить ему дань и не шел на заключение мира.

С другой стороны, Польша, с которой у России был заключен союз против турок и татар, требовала возобновления войны, прерванной после крымских походов. Но царь Петр в это время занимался увеселениями, а его мать с советниками не собирались разжигать войну и потому генерал Гордон писал своему родственнику в Шотландию: «мы здесь живем в мире, и самые настоятельные требования наших союзников не заставят нас предпринять что-либо важное».

Но прошло всего два года и Гордон переменял свое мнение; «Я думаю и надеюсь, что мы в это лето предпримем что-нибудь для блага христианства и наших союзников».

Война на юге против турок и татар была жизненно необходима и России и союзникам на Западе, которых турки постоянно побеждали, захватывали земли Польши, Венгрии и Австрии. Даже патриарх иерусалимский Досифей писал царям Ивану и Петру:

«Вам не повезло, если турки останутся жить на севере от Дуная, или в Подолии, или на Украине, или если Иерусалим оставите в их руках; худой это будет мир... Если татары погибнут, то и турки вместе с ними, и дойдет ваша власть до Дуная, а если татары останутся целы, то они вас обманут. Вперед такого времени не сыщете, как теперь... Александр Великий не ради Бога, но ради единоплеменников своих, на персов великою войною ходил, а вы, ради святых мест и единого православия, для чего не бодрствуете, не трудитесь, не отгоняете от себя злых соседей? Вы упросили у Бога, чтоб у турок была война с немцами; теперь такое благополучное время – и вы не радуете! Смотрите, как смеются над вами... татары, горсть людей и хвалятся, что берут у вас дань, а так как татары подданные турецкие, то выходит, что и вы турецкие подданные. Много раз вы хвалились, что хотите сделать и то, и другое, и все оканчивалось одними словами, а дела не явилось никакого».

«В начале 1695 года он (Петр) приказал объявить поход».

«Распоряжения относительно командования войсками: Борису Петровичу Шереметеву было вверено начальство над 120-ти тысячным войском старинного московского устройства (стрельцами): это войско вместе с малороссийскими казаками должно было действовать против турецких укреплений на Днепре. Труднейшая задача, осада Азова, была предоставлена войскам нового устройства в количестве 31000. Само собой разумеется, что царь находился при этом войске; начальство над ним было поручено консилию трех генералов: Головина, Лефортова и Гордона. Дела решались в этой консилие, но приговор ее исполнялся не иначе, как с согласия бомбардира Преображенского полка Петра Алексеева» – так повелевал себя именовать царь.

«Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть идем» – писал бомбардир в Архангельск к Апраксину.

«Петр и под Азов отправился развлекаться».

«Указывая в манифестах на Крым, как на цель похода, правительство, кажется, старалось скрывать настоящую цель военных операций. Предполагалось занятие устьев Днепра и Дона. И там, и здесь, находились турецкие укрепления, препятствующие сообщению России с Черным морем и служившие базисом при набегах татар на Россию. Для обеспечения южных границ Московского государства, для охранения городов (Белгорода, Тамбова Козлова Воронежа, Харькова и др.), для развития торговли и промышленности во всем этом крае было необходимо завладеть, с одной стороны Азовом, с другой – приднепровскими крепостцами (Кизикариен, Арслан-Ордск, Таган и др.); тогда только можно было надеяться на успешные действия и против крымских татар.

Походы Голицына не имели успеха преимущественно потому, что сообщение голой степью представляло громадные затруднения. Теперь же, при походе на Азов водный путь для передвижения войска, припасов, военных снарядов представлял значительные преимущества.

До этого русские воины весьма часто являлись на низовьях Днепра и Дона. Днепр был частью пути «из варяг в греки», этой дорогой шли когда-то полчища Олега и Игоря при походах на Византию.. На Дону до самого устья много раз показывались казаки – морские разбойники, отправлявшиеся нередко грабить берега Черного моря и возвращавшиеся, обычно, с богатой добычей. Такие набеги казаков повторялись особенно часто в XVII веке. В 1626 году казаки даже явились в окрестностях Константинополя, где разграбили какой-то монастырь. Примерно в то же время они обратили в пепел малоазиатские города Трапезунд и Синоп. Нередко турецкое правительство жаловалось московскому на неистовство казаков: цари оправдывались тем, что не имеют средств сдерживать их».

Именно поэтому, царь Петр с советниками Лефортом и Гордоном рассчитывал на Азовский поход как на «потешные учения» своих войск, но уже не друг против друга а против турок.

«Уже в самом начале похода пришлось бороться отчасти с теми же затруднениями, жертвой которой сделался Голицын в 1687 и 1689 годах. Между прочим, ощущался сильный недостаток в лошадях. Войска и скот страдали от нехватки воды (это двигаясь-то вдоль Дона!). Дисциплина в войске оказалась далеко не образцовой. Даже степной пожар, сделавшийся роковым в 1687 году, повторился и в 1695 году, хотя и в меньших размерах».

«Хотели оплошать турок, напасть нечаянно на Азов», что означало незаметно подкрасться и ударить в спину, но наткнулись на препятствие: путь лодкам преграждала перекинутая через реку цепь, охраняемая двумя каланчами.

«Кликнули клич на охотников из донских казаков: кто пойдет на каланчу? Каждому обещано по десять рублей, Казаки взяли одну каланчу... Ночью турки, сидевшие в другой каланче, ушли из нее, покинув свои пушки, утром казаки заняли каланчу».

«Петр 1, подойдя к турецкой крепости Азов с гарнизоном не более 5000 человек, осадил ее и 5 августа попытался взять штурмом, но потерпел неудачу».

«При атаке татарской конницы на русский пехотный Швартов полк, иноземный командир приказал всему полку стрелять сразу».

«Татары смяли солдат и как овец погнали в свою землю вместе с полковником».

«Подобных промашек стрелецкая пехота не допускала за всю историю своего существования».

Закордонного образца пехота Петра, после первого соприкосновения с противником показала низкий уровень в военном отношении, и поэтому Петру пришлось ретироваться.

«2 октября русские сняли осаду и отступили». «Зря Софья, в свое время побоялась сразиться с этой тридцатитысячной «аника-армией», умеющей воевать только лишь с мирным населением и, при первой возможности, Петр кидается в бега от пятикратно уступающей ему армии не только каких-либо европейцев, но даже от турок!»

«Петр затаил страх, тот же страх, как в памятную ночь бегства в Троицу» и бежал из Азова.

«Однако ж вся эта армада, многократно превышающая количество засевших в крепости солдат неприятеля после внезапного бегства Петра поддалась паническому настроению своего предводителя и почти поголовно была вырезана турками, кинувшимися в погоню за беглецами. «Всего треть осталась от армии».

«Большого позора в войнах России именно с турками просто не бывало ни до, ни после Петра. Именно мы всегда били их, несмотря на просто подавляющее своей численностью превосходство врага, доходящее до 1:5 и даже до 1:20 не в нашу пользу».

Так, при Иване Грозном в 1572 году в битве при Молодах в 50 верстах южнее Москвы, русское войско под командованием князей Воротынского и Хворостинина в составе 30 000 человек наголову разбило и уничтожило 120 000-тысячную армию турок, крымских татар и ногайцев.

Набеги крымских татар прекратились почти на 20 лет, потому что погибли почти все мужчины-воины и Османская империя была вынуждена отказаться от планов вернуть Казань и Астрахань под свое господство, а южные границы на Дону и Десне были отодвинуты на 300 км. Были заложены Воронеж и крепость Елец.

«Но Петр, имея пятикратное преимущество, бежал».

«Дорога от Азова к Москве на протяжении 800 верст, была усеяна трупами людей и лошадей, все деревни были переполнены больными, заражавшими местных жителей своими недугами, смертность была ужасная».

«Неудача первого Азовского похода количеством жертв превосходила неудачи Голицына в Крымских походах 1687 и 1689 годов».

«После Азовской неудачи в народе легко могли вспомнить слова патриарха Иоакима, что не может быть успеха, если русскими полками будут предводительствовать иностранцы-еретики, но царь, готовясь ко второму походу, более прежнего рассчитывал на помощь иностранцев, полагая: «Иностранцы были умнее русских: и так подлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытом».

«Для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое ибо я человек», – так, много позднее, говорил, прославляя дела Петра – Карамзин.

«Поражение под Азовом было полное, но несмотря на все это царь... торжественно вступил с войсками в столицу. Правительство старалось придать особенное значение занятию турецких каланчей близ Азова».

«Еще до возвращения в Москву, Петр известил польского короля и императора Леопольда о том, что нельзя было взять Азов из-за нехватки оружия, снарядов, а более всего – искусных инженеров. Одновременно с этим царь требовал, чтобы и польский король и император в свою очередь приступили к решительным действиям, когда на будущую весну государи пошлют под Азов и в Крым войска многочисленнее прежних».

Шестикратного перевеса над турками Петру оказалось недостаточно для победы, и он собирал еще большее войско для второго похода.

«Особо необходимыми для предстоящего похода оказались военные суда, которые могли бы пресечь неприятелю средства получать во время осады помощь с турецких кораблей войском, снарядами и продовольствием.

Поэтому Петр призвал из Архангельска голландских и английских плотников с чужеземных судов. Все они были волей или неволей отправлены в Воронеж, где уже со времен царя Михаила Федоровича производились постройки плоскодонных судов. По берегам реки Воро-

неж росли дремучие леса, дубовые, липовые и сосновые, доставляющие обильный материал для кораблестроения. Были устроены верфи, работа закипела. Около 26 000 человек всю зиму трудились на воронежских верфях.

Образцом для строившихся судов служила галера, заранее заказанная в Голландии и привезенная в Москву, а затем в Воронеж».

Кроме военных судов нужно было изготовить до 1 000 транспортных судов. Были изготовлены морские суда «Принципиум» и «Апостол Петр» и весной 1696 года «потешные» части Петра вместе с вышедшим из «потешного» же Плещеева озера, теперь уже Воронежским флотом, выступили под Азов.

«Вопрос о главном начальстве был решен иначе, нежели в первый поход... На это место был назначен боярин Шеин... Шереметев опять должен был действовать на Днепре, между тем как главная армия двигалась к Азову».

Зиму Петр провел беззаботно и в прежнем веселии: устраивались ассамблеи Всепьянейшего собора, карнавалы, до которых Петр был весьма охоч, выдавая себя за простого плотника или солдата, и пользуя девок в немецкой слободе, главной из которых оставалась Анна Монс.

Царя, конечно, сразу узнавали по фигуре и росту, но не показывали виду, чтобы не привести его в ярость, в которую он впадал по малейшему поводу и мог жестоко наказать обидчика: вкуса крови он уже отведал, когда изгонял царевну Софью и потому его натура, не успокоившись, требовала новых жертв.

В январе скончался брат Петра – царь Иван, но этому событию при дворе Петра не было придано никакого значения, хотя эта смерть брата сделала Петра единоличным царем, не знаящим уже никакого укорота своей власти.

Федор, несмотря на полученные увечья, продолжал свою службу возле Петра, частенько приводя его в порядок после попойки: упившись до изумления, царю иногда случалось обмочиться, и тут-то требовались услуги Федора.

Иногда царь вместе с Алексашкой приводил немецкую фрау в спальню измайловского дворца, где они вдвоем пользовали эту девку всю ночь, а утром царь прогонял ее прочь, дав два-три золотых дуката: несмотря на свое положение, Петр был скуповат и редко когда одаривал девок и соратников по разврату и пьянству более, чем двумя-тремя монетами.

Военные операции начались в мае.

«Но при виде неприятельской флотилии, Петр поступил как обычно – испугался».

«20 мая, после рекогносцировки турецкого флота, которому он должен был преградить выход из Дона, и не дать подвезти провиант в крепость, Петр вдруг, испугавшись его грозного вида, отступил со своими генералами».

«... Петра, после его весьма обыденного дезертирства, уже к полудню следующего дня все же настигла радостная весть. Оказалось, что в тот же день, когда Петр столь ретиво кинулся в привычные ему бега:

«Казаки на своих «чайках», легких кожаных челнах, летающих, как настоящие чайки, по воде, без всякого приказанья, по собственному побуждению напали на турецкие суда и принудили их отступить с большими потерями».

Казаки «видя, что очередное бегство Петра неминуемо послужит сигналом к бегству и его бандформированиям, что неизбежно закончится преследованием и поголовным истреблением беглецов, среди которых окажутся и сами казаки, вынудили эту здесь присутствующую единственную настоящую боевую войсковую единицу вступить в неравный бой со всей армией турецкого флота.

Мало того, в отсутствие удирающих петровских потешных моряков, одержать над сильно превосходящими силами врага неслыханную победу: разгромить утлыми лодчонками военно-морской турецкий флот».

Весть о победе обрадовала Петра, он воротился на своей галере «Принципиум» к своим потешным войскам «нового строя», которые не успели убежать, что дало возможность приступить к обстрелу города.

Обстрел производился неточно, но это вовсе не помешало казакам взять Азов:

«17-го – смелый натиск запорожцев, действующих одинаково дерзко и на воде и на суше, помог Петру овладеть частью крепостных укреплений».

«17-го июля малороссийские и донские казаки пошли на штурм... Турки, опасаясь возобновления штурма... на другой же день сдались».

«Все сделали отнюдь не подготовленные иностранными «специалистами» войска, а не имеющие к немцам и близко никакого отношения запорожские и донские казаки.

Петр же все заслуги этого сражения тут же присвоил исключительно самому себе».

«В покоренном Азове пировали».

Петр «возвратился в Москву, где 30 сентября происходил торжественный вход войск. По классическому образцу были устроены триумфальные ворота, везде были непонятные народу лавровые венки, надписи о подвигах Геркулеса и Марса, картины азовского взятия и многие другие церемонии, непонятные народу и потому вызывающие его недовольство».

Петр считал, что взятие Азова есть результат действий его войска, построенного на иностранный манер, а потому пожелал отправиться за границу, чтобы собственными глазами увидеть достижения иностранной жизни и перенести их на русскую землю, говоря: «Я в ранге ученика и нуждаюсь в учителях».

Однако, не его потешные войска одержали победу под Азовом, а донские и запорожские казаки, которые живя рядом с турками, изучили их нравы и наводили ужас на турок и татар лишь одним своим именем, тогда как европейцев турки постоянно били, наводя ужас уже на них.

Поход Шереметева к устью Днепра не дал результатов. Следовало бы укрепиться в Приазовье и низовьях Днепра, выходить к Черному морю, укоротить крымских татар и тем самым начать освоение южных окраин России, где плодородные земли и хороший климат, и куда русские стремились уже несколько столетий, но Петр, бросив все, поехал в Европу, полагая, что европейцы умнее, опытнее и лучше русских.

Через 15 лет, попав в окружение татар на реке Прут, спасая свою шкуру, Петр откажется от завоеванного с таким трудом Азова, отдаст эти земли туркам, уничтожит построенный в Воронеже флот, который никогда не использовался в сражениях и тем самым отбросит Россию от южных берегов еще на шестьдесят лет.

Европейский вояж

В декабре 1696 года думный дьяк Украинцев объявил в Посольском приказе, что царь намерен отправить посольство к цезарю, к королям английскому и датскому, к папе римскому, голландским штатам, курфюрсту бранденбургскому и в Венецию «для подтверждения древней дружбы и любви, для общих всему христианству дел, к ослаблению врагов креста Господня, султана турецкого, хана крымского и всех басурманских орд, и к вящему приращению государей христианских».

Во главе посольства был поставлен Лефортов. «Посольская свита состояла более нежели из двухсот лиц. Между ними находились тридцать с чем-то «волонтеров», отправлявшихся исключительно с целью изучения морского дела и составлявших особый отряд, разделенный на три десятка. «Десятником» во втором десятке был Петр Михайлов, то есть царь».

«участие царя в путешествии должно было оставаться тайной»

Посольство отправилось в марте 1697 года из Москвы, минуя шведские земли, где в Риге, испытывающей голод, царскому посольству не было оказано должной помощи и уважения, что

потом явилось основанием для Петра к разрыву мирного Столбовского договора со Швецией и нападению на Нарву.

«В Москве иначе представляли действительную цель этого путешествия и думали, что царь будет делать за границей то же, что делал до сих пор в слободе, т.е. веселиться», что подтвердили очевидцы, разбив миф о каких-то учениях царя:

«Его (царя) встретил там церемониймейстер Жан Бессер, придворный с головы до ног; к тому же ученый и поэт. Петр бросился на него, сорвал с него парик и бросил в угол.

– Кто это? – спросил он у своих. Ему объяснили, как могли, полномочия Бессера.

– Хорошо. Пусть приведет мне девку ... Множество подобных случаев не оставляют ни малейшего сомнения в том, каково было общее производимое Петром впечатление».

Петр «... не умел сам красиво сесть или принять от слуги тарелку; не умел пользоваться салфеткой, ножом и вилок».

По пути в Европу Петр посетил курфюрстину бранденбургскую Софью Шарлотту, которая записала в дневнике, что Петр «вел себя стеснительно» все закрывал лицо руками и бормотал «я не могу говорить», но принцессе «понравилась его естественность и непринужденность».

«... в Германии принято не стесняться избытками газов в желудке. То есть пускать «гулек», причем с особым шиком – даже за столом. Вот Петр приятно и удивил принцессу своей несомненной причастностью к европейской культуре, громогласно испортив воздух перед самым носом особ королевских фамилий, более чем сведущих в утонченности этикета блистательных дворов центральноевропейских государств, считающихся на тот день среди всех иных наиболее передовыми. Причем даже глазом при этом не моргнув, что ее так приятно и удивило: знать приучен «московский медведь» всем тонкостям их западного великосветского этикета. Но здесь никакой особо раскрытой нами тайны. Ведь известно, что Петр: «... пукал за столом».

Федор и другие слуги, что сопровождали Петра в его поездке по Европе, были изумлены, когда за столом, где сидел и царь, к концу трапезы, то одна, то другая девица или мужчина вдруг громко портили воздух и никто не возмущался таким невежественным русскому человеку поступком, а напротив, остальные гости одобрительно восклицали «алес гуд», что означало на их языке – «очень хорошо».

Еще Федор вместе с другими слугами страдал за границей от невозможности принять баню – бань в Европе не оказалось, а жители – начиная с немцев, иногда мылись в больших шайках всей семьей: сначала молодые, потом старые и мужчины и женщины в одной воде, которая становилась совсем грязной к концу помыва.

Царю Петру такие обычаи были не в тягость, поскольку он и дома не посещал баню и совсем не мылся, лишь слуги по утрам протирали ему тело и лицо влажной тряпицей, а вот его свита жестоко страдала от отсутствия возможности посетить баню и попариться от души.

Петр в Европе интересовался, первым делом, какими способами здесь казнят преступников: так же как он делал у себя в Москве или просвещенный запад применял и другие способы наказания, более совершенные и мучительные.

«Однако, он являл собой не только блудливое животное, но и животное кровожадное и жестокое».

«Иногда у него являлись странные желания: он непременно хотел, например, присутствовать при колесовании; он думал разнообразить уголовный процесс своей родины введением этой пытки. Пред ним извинились: временно не было присужденных к этой казни. Петр удивился: сколькими способами можно убить человека? Почему не взять кого-нибудь из его свиты».

«Так что именно палаческое искусство лишь одно и могло серьезно заинтересовать Петра. В своих личных владениях он первым делом, еще со времен своего выюношеского воз-

раста, учредил пыточные застенки Преображенского, а уже потом все остальное. Мучить и убивать ему просто нравилось. Какая там еще иная наука могла его серьезно заинтересовать?»

Так что все его сказочные результаты обучения сводились к следующему:

«он работал под руководством артиллериста Стернфельда и в несколько недель получил диплом канонира. Об этом напрасно говорить серьезно. Через три года два монарха, одинаково влюбленные в оригинальность, Петр и польский король встретились в Ливонии, в замке Бирзе и развлекались стрельбой в цели из пушки. Август попал два раза, Петр ни один».

Такова цена диплому артиллериста, купленному Петром.

К тому же сводятся переодевания Петра в обноски рабочего на судостроительной верфи:

«Переодевание, конечно, никого не обманывало. Родственник одного из рабочих, работавших в России, давно уже прислал описание наружности царя: он высокого роста, голова трясется, правая рука в постоянном движении. На лице бородавка».

А прославатели Петра убеждают, что с такими судорожными движениями царь Петр в совершенстве овладел работой топором при постройке кораблей.

Потому, завидев Петра, местные жители шарахались от его несуразного вида, дети бросали в него камнями.

«Дети, с которыми он дрался, бросали в него камнями; он сердился и, забывая о своем инкогнито, объявлял во всеуслышание о своем звании».

«А потому дети безвинны. Выряженный сумасшедший в любой стране мира ну просто никак не может не стать предметом их насмешек и улюлюканий. А царь Петр, судя по описанию его внешности, не стать предметом насмешек просто не мог».

Вот впечатления, которые оставил царь Петр местным жителям маленького городка Голландии.

«Царь Петр пробыл с Саардаме 8 дней: он катался там на лодке и дал 50 дукатов служанке, за которой ухаживал».

Если кто-то из местных жителей пытались на лодке подплыть поближе, чтобы поглядеть, чем это царь занимается со служанкой в ботике:

«Царь, желая отделаться от назойливости, схватил две пустые бутылки и бросил их прямо в толпу пассажиров, но, к счастью, никого не задел».

«Один из самых близких к Петру лиц, упоминает об этой девушке и замечает, что она отдалась царю лишь после того, как поняла, заглянув в его кошелек, что имеет дело не с простым судовщиком».

«В противном же случае, этому уродливому грязному чучелу не дала бы к себе прикоснуться ни одна, даже самая зачуханная служанка».

После двухмесячного пребывания Петра в Голландии, где он пытался обучиться всему и сразу и закупил дипломов корабельных дел мастера, шкипера, кузнеца и прочих ремесленных дел, посольство перебралось в Англию, где «выходки Петра до такой степени поражали, что его считали почти помешанным».

«Актриса Гросс, заменившая служанку из саардамской гостиницы, жаловалась впоследствии на скупость царя – когда кто-то позволил себе упрекнуть его, он резко возразил: «За пятьсот гиней люди мне служат душой и телом, а эта девка мне плохо служила, ты сам знаешь чем, и стоит дешевле».

От таких занятий, взятый из Москвы годовой бюджет России был благополучно промотан Петром с его буйной компанией и далее по его требованию:

«Из Москвы непрерывно слали соболя, парчу и даже кое-что из царской ризницы: кубки, ожерелья, китайские чашки, но всего этого не хватало.

Выручил любезный англичанин лорд Перегрин, маркиз Кормантен: предложил отдать ему на откуп всю торговлю табаком в Московии». Петр любезно согласился.

В Англии во время Великого посольства: «три месяца Петр со свитой жил в поместье писателя Джона Эблина.

После отъезда было выявлено: «обнаружили, что полы и ковры в доме до того перемазаны чернилами и засалены, что их надо менять. Из голландских печей вынуты изразцы, из дверей выломаны медные замки, краска на дверях попорчена или загажена. Окна перебиты, а более пятидесяти стульев, то есть все, сколько было в доме – просто исчезли, возможно, в печках. Перины, простыни и пологи над кроватями изодраны так, как будто их терзали дикие звери. Двадцать картин и портретов продырявлены; судя по всему, служили мишенями для стрельбы. От сада ничего не осталось. Лужайку так вытоптали и разворотили, будто по ней маршировал целый полк в железных сапогах.

Восхитительную живую изгородь, длиной в четыреста футов, высотой девять и шириной пять, сравнивали с землей. Лужайка, посыпанные гравием дорожки, кусты, деревья – все погибло. Соседи рассказали, что русские нашли три тачки и придумали игру; одного человека, иногда самого царя, сажали в тачку, а другой, разогнавшись, катил его прямо на изгородь».

Будучи во Франции и наблюдая жизнь людей в Париже, Петр одарил этот главный город копируемой им западной цивилизации, где именно в это время народ погибал от алкоголя и курения, проституции и связанных с ней неизбежных венерических заболеваний, следующим эпитетом: «Если бы он был мой, то непременно бы сжег его».

Эта злоба Петра на Париж была вызвана тем, что случилось во время прогулки царя по узким улочкам этого города. Проходя к собору Нотр-Дам, царь был облит нечистотами, выплеснутыми из окна верхнего этажа. В Москве не было зданий выше двух этажей и улицы были широкие, а здесь, в Париже дома были выше, улочки узенькие и все отходы человеческой жизни выплескивались прямо на мостовую, стекая потом в реку Сену. Вот и Петр попал под струю нечистот, а поскольку был, по своему обычаю, без шляпы, то и оказался облит с головы до ног.

Нужников в городе Париже не было ни в домах простых горожан, ни во дворцах высоких особ. Все естественные надобности справлялись в горшки, а затем выплескивались из окон на мостовую, не взирая на прохожих.

Во дворцах, что посещал царь Петр, тоже нигде не было нужников и свита царя, вместе со слугами справляли нужду, где придется: под лестницей, в коридоре или под деревом в парке, совершенно не стесняясь, поскольку и сами французы именно так и поступали, показывая пример гостям из далекой Московии. Царю Петру такие действия были привычны: он и на родине поступал точно так же, а потому сразу почувствовал себя европейцем, нарочно справляя нужду на глазах у всех в комнатах дворцов или в парках Версаля.

Дамы светского общества, прогуливаясь по парку с кавалерами, почуяв нужду, непридуманно отходили в сторону, приседали, справляли нужду на глазах кавалеров и, приподняв юбки, возвращались, чтобы продолжать светские беседы.

Царю Петру такое поведение дам весьма нравилось, а Федор вместе с другими слугами, на глазах у которых и происходили эти срамные дела, лишь украдкой сплевывали, да крестились от бесстыдства женщин, которое никогда бы не допустила русская баба, даже простая крестьянка: за работой в поле вместе с мужем и детьми, почуяв нужду, уходила за кусты аж в низину с глаз долой и там, оправившись, возвращалась, чтобы продолжить дело.

Но своих наклонностей он не оставил и во Франции:

«В Медоне он наградил «бумажным экю» слугу, который оказал ему услугу в очень интимном и грязном деле». Повышенная сексуальность –это, в принципе, родовая мета педерастов.

«О педерастии Петра говорили совершенно открыто... если и ведут споры, то исключительно о том, кто приохотил к педерастии Петра – Франц Лефорт или Александр Данилович Меншиков».

«В Марли, он выбрал место, чтобы запереться со своей любовницей, над которой он одержал легкую победу в помещении мадам де Ментон». Он отослал девицу, давши ей два эку и хвастаясь своей дикой выходкой перед герцогом Орлеанским, употребив выражения, которые современник решился воспроизвести только по латыни».

«Слух об оргии, которой он осквернил королевское жилище, дошел даже до мадам де Ментон, жившей в полном уединении. Она сообщает своей племяннице: «Мне только что сказали, что царь притащил с собой девку и что Версаль и Марли страшно скандализированы».

Находясь в Версале, Петр неоднократно принимал участие в карточной игре с членами королевской семьи и знатными людьми. Он обратил внимание, что мужчины и дамы, время от времени ловили на себе вошку и, положив ее на серебряную тарелочку, что стояла посреди стола, ногтем прищелкивали вошь под одобрительные взгляды присутствующих.

Оказалось, что вся просвещенная Европа и Франция в том числе, почти поголовно вшивая, поскольку ни простолюдины, ни знатные особы не следили за чистотой тела, и не мылись в банях, ввиду их отсутствия, а потому представляли собой удобное место жизни для вшей.

Как на Руси обычным кровопийцем летом является комар, так и для европейцев обычным насекомым являлась вошь. Потому и бывали часто в Европе эпидемии тифа и чумы, что вши, переползая, разносили эти напасти, о чем люди не догадывались, относя эти болезни к каре Господней за грехи человеческие.

Петр тоже, почувствовав на себе ползущую тварь, расстегнул мундир бомбардира, коим он приказал именовать себя после получения диплома артиллериста, поймал вошку, но не положил ее на блюдечко, как делали остальные, а положив ее на зуб, громко щелкнул, – так делали мартышки его матери в Преображенском дворце, выискивая блох друг у друга и прикусывая их зубами, даже если этих блох и не было вовсе – важно показать внимание.

Французы одобрили поведение Петра и он осмелев, схватил вошку, ползущую по груди ближней к нему мадемуазель, тоже положил ее на зуб и прикусил, получив признательный взгляд девицы.

Петру игра в карты не пришлась по душе, которая привыкла к праздникам и шутейным затеям, устраиваемыми в Москве для его удовольствия.

– А как совершаются праздники здесь, в Европе? – спросил он сопровождающего его сановника.

«Вы хотите знать, как совершаются наши народные торжества? – Они празднуются, сударь, в день казни... Толкотня и давка от зари и до того момента, когда палач совершит свой ужасный долг. Окна окрестных домов сдаются за большие деньги, издалека люди прибегают, приезжают в колясках или верхом, чтобы насладиться зрелищем, а в первых рядах стоят женщины – и вовсе не только из низших классов».

«Подобное зрелище служит также изощренным возбуждающим средством, в таких случаях чернь иногда насиловала сотни женщин или врывалась в дома терпимости и там устраивала ужасающие оргии: знатные же дамы, смотревшие на казнь с высоких балконов, праздновали у окон вакханалии с шампанским и вели себя самым бесстыдным образом».

«Никогда наши дамы не бывают уступчивее: вид страданий колесованной жертвы возбуждает их так, что они хотят тут же на месте вкусить наслаждение».

– Это очень хорошо, что казни являются праздником здесь в Европе, – сказал Петр Лефорту, что числился главой русского посольства, – у меня на Руси народ силой приходится сгонять на площади, где будет проводиться казнь: видимо народ русский еще не достиг европейского развития и потому при виде крови многие крестятся или даже блюют, вместо того, чтобы праздновать казнь преступников. Ну ничего, я приучу их к виду крови и отрубленных голов, – мстительно закончил Петр, а Лефорт лишь одобрительно захопал в ладони.

«Охота в Фонтенбло мало понравилась царю, зато он так хорошо поужинал, что герцог д'Антэн решил необходимым отказаться от его общества и сел в другую карету. В карете царь

доказал, что слишком много ел и пил. В Пти-Бурге, где остановились на ночь, пришлось нанять двух крестьянок, чтобы привести карету в порядок», а самого Петра очистил от блевотины его слуга Федор.

«Во время первого путешествия Петра за границу, он удивил даже немцев и голландцев способностью пить».

«Способность пить много не пьянея, свидетельствует исключительно о том, что печень алкоголика уже подверглась первым изменениям. Здоровый человек – это как раз тот, кто пьянеет резко и сразу».

Пьянствуя и развратничая Петр провел полтора года в Европе и возвратился в Москву, прервав поездку в Вену, чтобы разобраться с заговором стрельцов, которые якобы хотели освободить царевну Софью и возвести ее на престол, пользуясь отсутствием царя Петра.

Но Петр кое-что усвоил на западе, и стал в Московии насаждать западные устои общественной жизни, разрушая уклад русской жизни.

«Иго с Запада – более тяжелое, нежели прежнее иго с Востока... Петр Алексеевич, испытав влияние протестантов, упразднил патриаршество... и на духовно едином русском организме, как поросли злокачественные, вырастать начали извне привитые протестантского, иудейского и иезуитского характера секты».

«Романтически приподнятое, радостное отношение к Петру, меняется по мере узнавания эпохи, по мере изучения документов».

Главное, что Петр усвоил из своей поездки в Европу, было то, что никто на Западе не признает Россию европейским государством и даже к нему, царю, европейские правители относились снисходительно, как к младшему, несмотря на огромные размеры Московского царства.

– Чтобы считаться европейским государством, необходимо выйти к Балтийскому морю, на берегах которого расположены многие европейские страны, и тогда все признают меня за европейского правителя – решил Петр, покидая Европу, где он увидел новые способы казни, которые ему не терпелось применить при подавлении стрелецкого мятежа, о котором докладывал князь-кесарь Ромодановский.

Стрелецкий бунт

Действия Петра с начала его правления после смерти матери в 1694 году вызывали ропот и недовольство народа. И до того времени, разгульный образ жизни молодого царя и посещение им немецкой слободы осуждалось, но это осуждение было лишь среди правящей верхушки, ибо в народе причуды царя Петра были неизвестны.

Реальное правление Петра началось с Азовских походов, которые потребовали больших расходов, и их покрытие проводилось за счет введения новых податей, ложившихся тяжким грузом на всех податных людей, да и на боярство тоже, кроме немногих приближенных к Петру лиц, успешно уворовывающих из казны немалые деньги, а первым среди воров оказался Алексашка Меншиков.

«Народ, которого заставляли насильно повиноваться воле царя, не переставал судить о законодательной и административной деятельности правительства, осуждать многие меры строгого начальства, порицать образ действия Петра. Негодование на царя становилось общим, особенно тогда, когда новые распоряжения имели отношение к церкви и религии».

Петр, звериным чутьем ощущал опасность, но не желал и не умел изменить образ своего поведения, о настроениях в народе судил по показаниям людей, схваченных по доносам, и данным под пытками в застенках Преображенского Тайного приказа, где пытали людей с таким зверством, что пытаемые давали любые нужные показания.

Монах Авраамий передал Петру тетради, в которых записал содержание бесед с «друзьями и хлебоядцами», где говорилось: «В народе тужат многие и болеют о том, на кого

надеялись и ждали; как великий государь возмужает и сочается законным браком, тогда, оставя младых лет дела, все исправит на лучшее, но возмужав и жениась, уклонился в потехи, оставя лучшее, начал творить всем печальное и плачевное».

Авраамия взяли в Преображенский застенек и под пытками он назвал всех своих сообщников, которые, «бывая у него в Андреевском монастыре, такие слова, что в тетрадах написано, говаривали».

Эти друзья тоже были арестованы и допрошены. Один из них показал, что говорил о судьях, что без мзды дела не делают; другой показал, что «...государь не изволит жить в своих государственных чертогах на Москве и мнитья им, что от того на Москве небытия, у него в законном супружестве чадородие перестало быть, и о том в народе вельми тужат».

Третий показал, что «потешные войска» вели себя непотребно под Семеновским и под Кожуховым, где проводили учения на которых много людей было бито и скота много погибло и потехи эти людям не в радость, и «про нововзысканных и непородных людей и про упрямство царя, и что великий государь в Преображенском приказе сам пытается и казнит».

«Турецкая война была весьма тягостна для всех платящих налоги и служащих в войске. Участие царя в увеселениях иностранцев в немецкой слободе вызывало также всеобщее негодование».

Перед самым отъездом за границу, который сам по себе вызывал гнев и возмущение в народе, царю донесли, что думный дворянин Иван Циклер подговаривает стрельцов умертвить его. Петр немедленно покинул пир у Лефорта и самолично арестовал преступников, которые под пытками показали все, что надо было царю, в том числе и такие показания: «В государстве ныне многое нестроение для того, что государь едет за море и посылает послом Лефорта, и в ту посылку тащит казну многую», что было сущей правдой, ибо царь Петр в поездку по Европе прихватил годовой бюджет страны.

Говорили заговорщики и о том, что в народе есть слух, будто царя подменили на немца при его рождении, потому что в царе нет ничего русского и он совсем не похож на своих родителей.

Заговорщики все были казнены, хотя никаких доказательств заговора не было, кроме показаний данных под пыткой на дыбе и поджариванию на жаровнях в Преображенском застенке.

Видимо и Петр иногда сомневался в своем происхождении, потому что «Однажды, в пьяном чаду, Петр пробовал осветить эти потемки. Он крикнул, будто бы указывая на Ивана Мусина-Пушкина: «Этот хоть знает, что он моего отца сын. А я чей? Твой, что ли Тихон Стрешнев? Говори, не бойся! Говори, а то задушу!» – «Батюшка, смилуйся! Что мне ответить? Ведь я не один был!»

После казни заговорщиков, в Москве прошли важные перемены «и марта в 8-й день, на стенной караул вверх шли комнатные стольники пешим строем, переменили с караулов полковников, также и по всем воротам стояли все преображенские и семеновские солдаты».

Стрельцов удалили на службу в другие места подальше от Москвы, а «в Кремле и вообще в столице важнейшие посты были вверены полкам, находившимся под командой иностранных офицеров».

«Намерение Петра уехать за границу возбудило общее негодование. Однако ропот подданных не мог остановить его. Спустя несколько дней после казни заговорщиков, он отправился в путь» – даже опасение за свою власть над Россией не могло остановить Петра в увеселительной поездке в Европу – не в обычаях царя было отказываться от своих желаний.

За себя Петр оставил князя Ромодановского, известного своей жестокостью и показавшего свою преданность царю при захвате власти и свержении Софьи.

Во время пребывания за границей, Петр неоднократно получал доносы о том, будто в Москве вспыхнул бунт стрельцов, которые захватили власть и возвели Софью на престол, освободив ее из Новодевичьего монастыря.

Другие слухи касались некоторых бояр, которые возводили на престол малолетнего царя Алексея и еще много слухов и сплетен доносили доброжелатели до ушей царя, но он с каждой почтой из Москвы получал успокоительные известия от разных доверенных лиц и потому не собирался возвращаться из Европы, пока не объездит все страны, что наметил посетить.

Дошло до него известие о том, как в Москве возникла стрельцкая смута из-за невыплаты жалованья и о том, как князь-кесарь наказал смутьянов.

Петр был в это время в Вене. Наказание стрельцам показалось царю недостаточным— его натура требовала большой крови— он еще не забыл, как стрельцы напугали его дважды: во время возведения на престол и во время свержения Софьи, потому, что трусливая душа Петра, как и всякого другого труса, никогда не прощала своей трусости перед другими, жестоко наказывая всех тех, кто вызвал у него эту трусость.

«Стрелецкий бунт» от начала и до конца выдуман Петром».

Во время пребывания Петра за границей, когда он предавался там пьянству, разврату, покупке дипломов для себя и своих «птенчиков», а также закупал всякие не нужные диковины, уродцев в банках с нафталином и прочие несуразные вещи для кунсткамеры, которую собирался устроить, в стране процветало казнокрадства в таких размерах, которые и не снились правителям допетровской Руси.

Кто-то из управителей обобрал казну, изъяв в свою пользу деньги, причитающиеся для прокормления стрельцких частей.

«Стрельцам было голодно... Семьи у них оставались в стрельцких слободах, и стрельцы хотели вернуться домой, они отказались подчиняться приказу, и солдаты Гордона легко рассеяли их картечью... стрельцы вовсе не бунтовали, практически не сопротивлялись правительственным войскам.

Ромодановский, оставшийся в Москве за царя, провел расследование с обычной для него жестокостью, но никакого бунта не нашел и стрельцы были наказаны «легко», слетело 56 голов, остальные разосланы обратно по месту службы».

Услышав о происшедшем, Петр прервал поездку по Европе и возвратился в Москву, чтобы учинить новое расследование.

«Следствие, поверхностно веденное и законченное Шеиным и Ромодановским, было начато снова и поставлено в условия, которым, хотелось бы верить, не было подобных в истории человечества.

Четырнадцать застенков были устроены в Преображенском и работали днем и ночью. В них можно было найти все обыкновенные и необыкновенные орудия пыток, в том числе жаровни, на которых поджаривали пытаемых. Один из них подвергался пытке семь раз и получил девяносто девять ударов кнута, из которых пятнадцати было достаточно, чтобы убить человека.

Подполковник Корпеков пытался перерезать себе горло, чтобы положить конец мучениям; он только поранил себя, и пытка продолжалась. Женщин — жен, дочерей и родственниц стрельцов, служанок и приближенных Софьи — допрашивали таким же образом. Одна из них разрешилась от бремени во время пыток...

Одного стрельца подвергли пытке на дыбе, дали ему тридцать ударов кнутом и долго поджаривали, но из него не удалось вытянуть ни слова. Едва удавалось вырвать у него полупризнание, неясный намек, — как только ему удавалось перевести дух, он снова возвращался к своим первым показаниям или замолкал в немом молчании. Софья, которую, как говорят, пытал сам Петр, также осталась непреклонной в своем запирательстве.

Но ни малейшего следа заговора, в сущности, не было обнаружено».

При Петре были введены писанные руководства по проведению пыток.

Вначале человека пытаются на дыбе. «Если человек не винится на дыбе, пытаются иначе:

1. В тисках, сделанных из трех железных толстых полос с винтами. Между полосами кладут большие пальцы пытаемого, от рук – на среднюю полосу, а от ног – на нижнюю, после этого палач начинает медленно поворачивать винты и вертит их до тех пор, пока пытаемый не повинится, или пока винты вертеться не перестанут. Тиски надо применять с разбором и умением, потому, что после них редко кто выживает.

2. Голову обвиняемого обертывают веревкой, делают узел с петлей, продевают в него палку и крутят веревку, пока пытаемый не станет без слов.

3. На голове выстригают на темени волосы до голого тела, и на это место, с некоторой высоты, льют холодную воду по каплям. Прекращают, когда пытаемый начинает кричать истощенным голосом, и глаза у него выкатываются. После этой пытки многие сходят с ума, почему и ее надо применять с осторожностью.

4. Если человек на простой дыбе не винится, класть между ног на ремень, которыми они связаны, бревно. На бревно, становится палач или его помощник и тогда боли бывают сильнее.

Таких упорных злодеев, надо через короткое время снимать с хомута, вправлять им кости в суставы, а потом опять поднимать на дыбу. Пытать по закону положено три раза, через десять и более дней, чтобы злодей оправился, но если он на пытках будет говорить по-разному, то его следует пытать до тех пор, пока на трех пытках подряд не покажет одно и то же, слово в слово. Тогда на последней пытке, ради проверки, палач зажигает веник и огнем водит по голой спине висящего на дыбе, до трех раз и более, глядя по надобности.

Когда пытки кончаются и злодей, повинившийся во всем, будет подлежать ссылке на каторгу или смертной казни, палач особыми щипцами вырывает у него ноздри».

Следует сказать, что при «кровавом» Иване Грозном, по личному указанию которого, за все годы его правления, было казнено три с половиной тысячи человек, а к смертной казни приговаривались всего за семь видов преступлений; убийство, изнасилование, содомия, кража людей, ограбление церкви, поджог дома с людьми, измена родине, то при царе Алексее таких видов преступлений было уже более пятидесяти, а при Петре I их число было за двести.

Прибыв в Москву в августе месяце, Петр до весны следующего года самолично занимался пытками, выискивая следы заговора, но так их и не нашел.

«Петр был совершенно вне себя во время этого розыска и в пыточном застенке, не утерпев, сам рубил головы стрельцам».

«30 сентября первый транспорт отправляется к месту казни осужденных. Пятеро были по дороге, собственноручно казнены Петром перед его домом в Преображенском. Этот факт удостоверен многочисленными свидетелями... Петру мало было, что он сам работал топором, он хотел, чтобы его приближенные делали то же. Голицын оказался неловким и заставлял долго мучить казнимых. Меншиков и Ромодановский оказались более способными»

«Пьяный Петр, заставляя заспанного восьмилетнего сына рубить стрельчонку голову зазубренным топором, действует и как демоническая сила».

«Сам родитель впоследствии объявлял, что желая приучить сына к делу, не только бранил его, но и бивал палкою».

«Приговоренных привезли на Красную площадь в санях попарно, с зажженными свечами в руках, и положили рядами по пятьдесят человек вдоль бревна, служившего плохой. 11 октября было совершено 144 новых казни; 205 человек было казнено 12 октября, 141 – тринадцатого, 109 – семнадцатого, 65 – восемнадцатого, 106 – девятнадцатого. Двести стрельцов были повешены перед окнами Софьи в Новодевичьем монастыре.

Одновременно с этим в Азове и других местах государства так же велись следствия, сопровождавшиеся массовыми казнями.

Приостановление на несколько недель ввиду пребывания Петра с ноября по декабрь в Воронеже, допросы и казни возобновились в самой Москве в январе 1699 г. Целыми тысячами убирали трупы, загромождавшие площадь. Впрочем, вся уборка ограничивалась тем, что их перетаскивали на соседние поля..., а топор палача начинал работать снова. Пики с насаженными на них головами и виселицы с висящими гроздьями человеческих тел продолжают украшать на Красной площади».

«Петр приказал вырыть из земли гроб Милославского и привезти в Преображенское на свиньях. Гроб открыли; Соковнину и Циклеру рубили прежде руки и ноги... Потом отрубили головы; кровь их лилась в гроб Милославскому».

«На Красной площади был поставлен столп с железными спицами на которые были воткнуты головы казненных».

«Его царское величество присутствовал при казни попов, участников мятежа. Двум из них палач перебил руки и ноги железным ломом, и затем, живыми они были положены на колеса».

«Царь велел всунуть бревна между бойницами Московских стен. На каждом бревне было повешено по два мятежника». «...2195 стрельцов повешено».

«27 октября. Эта казнь резко отличается от предыдущей. Она совершена различными способами и почти невероятными... Эта громадная казнь могла быть использована только потому, что все бояре, сенаторы царской думы, дьяки – по повелению царя – должны были взяться за работу палача. Мнительность его крайне обострена. Он придумал связать кровавой порукой всех бояр».

«Мятежников за упорное молчание подвергают пыткам неслыханной жестокости. Высеченные жесточайшим образом кнутами, их жарят на огне; опаленных секут снова, и после вторичного бичевания опять пускают в ход огонь... Царь сам составляет допросные пункты, спрашивает виновных, доводит до сознания запирающихся, велит подвергать жестокой пытке особенно упорно хранящих молчание; с той целью в Преображенском (месте этого в высшей степени строгого допроса) пылает ежедневно, как может всякий это видеть, по тридцать и более костров».

И все эти описанные казни сочетались с веселыми пирушками.

14 октября: «Франц Яковлевич Лефорт отпраздновал день своих именин великолепнейшим пиршеством, которое почтил своим присутствием царь»

22-23 октября: «Вторично несколько сот мятежников повешены у белой Московской стены».

26 октября;

«когда пробило десять часов, его Царское Величество приехал в экипаже на роскошно устроенный пир... В общем с лица его Царского Величества не сходило самое веселое выражение, что являлось признаком его внутреннего удовольствия».

Чиновники датского посольства решили посетить пыточные казематы Преображенского, полагая, что находятся под дипломатической защитой:

«Они обходили разные темничные помещения прорываясь туда, где жесточайшие крики указывали место наиболее грустной трагедии... Они уже успели осмотреть, содрогаясь от ужаса, три избы, где на полу и даже в сенях виднелись лужи крови, когда крики, раздирательнее прежних, и необыкновенно болезненные стоны возбудили в них желание взглянуть на ужасы, совершающиеся в четвертой избе.

Но лишь вошли туда, как в страхе поспешили вон, ибо наткнулись на царя... Царь стоявший перед голым подвешенным к потолку человеком, обернулся к вошедшим, видимо, крайне недовольный, что иностранцы застали его при таком занятии... В погоню за ними пустился офицер, намереваясь обскákat и остановить их лошадь. Но сила была на стороне чиновников

– их было много. Впоследствии я узнал фамилию этого офицера – Алексашка, царский любимец и очень опасен».

Почему же столько тысяч человек отчаянно сопротивлялись пыткам и молчали?

«Пришествие Антихриста ожидалось в 1666 году, а когда оно не исполнилось, стали считать 1666 не от рождения Христа, а от его Воскресения, то есть в 1699 году. За несколько дней до наступления этого года, ... Петр вернулся из своего заграничного путешествия (в те времена новый год наступал 1 сентября)».

«всем вдруг стало ясно, что Петр это и есть антихрист. Потому сопротивление Петру для русского человека приняло характер борьбы за веру, наступившей в последние апокалипсические дни. И здесь стойкость его (русского) оказалась просто потрясающей; ломались кости, лопалась под страшными ударами кнута прорванная кожа, разрывались ткани тела и брызгала из ран святая мученическая кровь, но доносов друг на друга царь-антихрист так и не услышал».

Начиная живодерню против стрельцов, Петр не забывал и об устройстве личных дел.

Прибыв из-за границы, царь сразу же навестил Анну Монс в немецкой слободе и лишь спустя несколько дней, посетил свою жену Евдокию в Кремле, где объявил ей, чтобы она удалилась в монастырь и постриглась в монахини. Получив отказ от царицы, обоснованный тем, что малолетний сын Алексей нуждается в материнском присмотре, царь выслал Евдокию в Суздальский монастырь, где она была насильно пострижена в монахини, под именем Елены. Средств монастырю на содержание царицы-монахини казной выделено не было и царица жила за счет монастыря, зачастую испытывая нужду даже в пропитании.

Не забыл царь и о царевне Софье, запертой в Новодевичьем монастыре. Хотя никаких следов заговора с участием Софьи обнаружено не было и даже челобитной от стрельцов с просьбой к Софье взойти на престол тоже не было найдено, Софья, постриженная в монахини под именем Сусанна, была заключена в келье монастыря, под окнами которой постоянно висели тела стрельцов с подобием челобитной грамоты вставленной им в руки.

Все время зверств Петра против стрельцов, Федор находился в Преображенском дворце, видев царя лишь изредка, когда он пьяный являлся из Немецкой слободы или, устав от пыточных дел в приказе, посещал дворец, где ему приводили девку для умиротворения плоти и, справив телесную нужду, царь забывался беспокойным сном, чтобы назавтра продолжить пыточные дела в застенках и увлечения в Немецкой слободе: жестокость к людям Петр всегда совмещал с увеселением себя и своих подручных дел мастерами, главным из которых становился Алексашка Меншиков.

Имея свободные вечера, но в ожидании неожиданного появления Петра во дворце, Федор бродил по комнатам, не зная чем ему заняться и частенько, увидев истопника Акима, который растапливал печки во дворце с наступлением холодов, сопровождал его от печи к печи, помогая разжечь печи и ведя неторопливо беседы с этим молчаливым и замкнутым слугой, каким был и сам Федор.

Акима, который уже много лет не покидал Преображенского, очень интересовала поездка царя в Европу и особенно жизнь прочих людей в дальних странах, на что Федор давал подробные ответы, если, что-то видел или даже слышал во время пребывания царя за границей, поскольку всегда находился поблизости и был свидетелем многих событий с участием царя и его приближенных.

– Скажи-ка Федор, правду ли говорят слуги во дворце, будто царь Петр за границами многим делам обучился: морскому делу корабельному, плотницкой сноровке, пушечной стрельбе и еще каким-то неведомым ремеслам?

– А как ты думаешь Аким, можно ли с наскока овладеть ремеслом в две-три недели, – осторожно отвечал Федор, оглядываясь по сторонам, не подслушивает ли чье-то ухо разговоры про Петра, что само по себе было крамолой, а уж неуважительное слово о царе и вовсе каралось плетью или даже смертоубийством. Аким-то слухи дальше не пускает, но кто-либо сторонний

может враз донести и не миновать тогда пыток в Преображенском приказе, благо, что и вести провинившегося далеко не надо – пыточные избы совсем рядом, в минутах пешей ходьбы от дворца. Но русский человек так устроен, что общаясь между собой не думает об опасности грозящей ему и собеседникам за неосторожно сказанное слово, особенно, если слово это правдивое.

– Я так думаю, что невозможно овладеть совершенно хоть одним ремеслом даже за год обучения, не говоря уж про другие ремесла, – отвечал Аким, растапливая печь, – вот возьми хоть меня истопника: кажется какая нужна мудрость при растопке печи? Бросил поленьев, сунул бересты и готово – печь дальше сама растопится, только успевай добавлять поленьев. Ан, нет – и здесь требуется опытная рука: разжечь печь надо так, чтобы огонь охватывал весь под, дрова горели равномерно и давали много жару, но не прогорели быстро, иначе печь не прогреется, и не будет отдавать накопленное тепло всю ночь впредь до утренней топки... Я этому делу года три обучался от прежнего истопника, которого по старости лет отправили в дальнее село, когда он не стал успевать управляться с печами, которых в тереме два десятка – пока дойдешь до последней, в первой печи огонь уже может кончиться, и тогда начинай растопку заново и тепла от этой печи придется ждать долго, в комнате этой будет холодно и меня, как истопника могут наказывать плетью, невзирая на то, что я есть вольный человек, а не холоп вроде тебя, Федор.

– Вот теперь и посуди, Аким, чему и как наш государь обучился в заграницах, особенно если иметь в мыслях, что Петр правой рукой всегда трясет, голова у него в ту же сторону дергается, да еще и хлебным вином он балуется каждый божий день: к вину этому, что горит синим пламенем, если его поджечь, царь пристрастился в Немецкой слободе – я его пробовал пару раз, так на другое утро голова гудит, будто барабан рядом бьет и во рту как коты переночевали – какая уж тут учеба – кваску бы выпить холодного – вот и все мысли.

Больше я, Аким, про царскую учебу в заграницах не желаю говорить, потому, что не хочется мне висеть на дыбе за поношение нашего господина. Добавлю только, что головы стрельцам царь рубит ловко, ничуть не уступая нашему палачу Кондрашке Тютюну: этим палачом уже люди друг дружку пугают: смотри, мол, кондрашка хватит. Ты лучше об чем другом спроси, – закончил Федор свои слова, глядя как умело истопник ворошит угли в печи и, дождавшись их угасания без синего пламени, закрывает выюшки, чтобы тепло не уходило через трубу и печь держала обогрев комнаты до самого утра.

– Хорошо, Федор, тогда скажи мне как там в Европах простые люди живут? Как у нас на Руси или лучше? Там же нет крестьянской крепости и все люди свободными являются.

– Не являются, а считаются, – поправил Федор истопника. – Крепости крестьянской за боярином или монастырем, там конечно нет, но есть крепость посильнее – это крепость денег.

Крестьянской земли общинной, как на Руси там нет вовсе, а есть владение землей: хочу пашу сам на земле, хочу сдать землю в пользование кому-либо за оброк, а то и вовсе можно землю продать и уйти в города заниматься другим ремеслом, но это в случае, если ты никому не должен денег. Если же ты в долгу, то обязан вернуть долг, прежде чем уйти в другое место на жительство.

За неуплату долга тебя могут наказывать телесно, или отобрать дом, если он есть или заставить этот долг отработать. Потому простой человек в Европах вроде бы и свободен, но если без долгов, а таких там совсем немного. Знатные люди так же живут, как и наши бояре, потому что земля почти вся в их собственности. Отсюда и города у них тесные с узкими улочками и домами в три-четыре окна вверх, что земли мало, под города было выкуплено их жителями у этих бояр, которые называются графьями, лордами или баронами – как не назови, а хрен редьки не слаще.

В деревнях ихних я не бывал и про жизнь крестьянскую мало что могу сказать, но в городах насмотрелся и скажу тебе Аким, что такой жизни я себе, холопу, не пожелаю. Едят они всякую дрянь, даже лягушек едят в городе Париже, прости Господи.

Люди там почти не моются, бань нет вовсе, нужников при домах нет и потому дерьмо свое люди прямо из окон выплескивают на улицу не глядя. Был случай, когда царь Петр со свитой пошел прогуляться по Парижу и его там на улочке облили из окна дерьмом, – он так взбеленился, что хотел убить того жителя, что облил его грязью, но толмач сказал, что этого делать нельзя, такие здесь правила, которых житель не нарушал.

И вот представь себе Аким, что идешь ты по улице, узенькой, что две подводы не смогут разъехаться, и вдруг из окна тебя обольют дерьмом, захотел бы ты такой жизни? Нет, и я не хочу. Нужников там нет вовсе, и люди прямо на улице справляют нужду бесстыдно. Я этим делом, как золотарь, занимаюсь здесь и потому знаю, что говорю. Ты бы, Аким, интересовался ихними печками, а я интересовался нужниками, которых там нет, впрочем, и печек в домах тоже нет, а есть каминны, как их зовут – это когда огонь горит свободно, а дым уходит в трубу вместе с теплом.

Не ведаю я, чему там царь Петр хотел обучиться, только мне в этих Европах ничего хорошего не показалось. Ну, как там жить, если города их будто выгребная яма пахнут, по улицам дерьмо лежит, а люди не моются в банях – одно слово – латиняне. Про город Париж я уже говорил, так вот, подъезжая к городу, еще верст за десять начинаешь чують запах дерьма, если ветер дует с той стороны. Москва хоть и будет поменьше Парижа, но зато без запаха нужника стоит.

Я тебе так Аким скажу: чем по границам шастать и иностранные обычаи перенимать, надо здесь людям русским свободу дать, чтобы интерес к делу проявился, а дальше наш народ православный своим умом все ремесла освоит и новые заведет, которые Европам этим и не снятся.

Федор хотел еще что-то сказать Аким, но здесь послышался шум от повозок – это царь приехал с Немецкой слободы и золотарь поспешил к царским покоям, чтобы быть начеку и выполнить уход за царем, если в этом будет надобность.

Нарва

Во время «большого посольства» в Европу, где Петр находился около полутора лет, перенимая европейские манеры и как бы обучаясь ремеслам, а на деле пьянствуя и развратничая, европейские монархи Польши, Дании, Австрии и Пруссии всячески подталкивали русского царя на войну со Швецией, которая успешно громила войска этих государств своим 30-ти тысячным, великолепно выученным войском.

Монархи убеждали Петра, что без выхода к Балтийскому морю, Россия никогда не будет европейским государством и царь проникся идеей отвоевать Прибалтийские земли, утраченные Россией во времена смуты после царя Ивана Грозного.

Царь Иван Грозный стремился овладеть Прибалтикой и вернуть России исконные земли, где даже основные города носили русские названия: Иван-город, Юрьев, Орешек и другие. Царю Ивану не удалось выстоять против Польши и Швеции одновременно, и Прибалтийские земли были отторгнуты от России.

Борис Годунов пытался занять Нарву, царь Алексей Михайлович, отец Петра, осаждал Ригу, но эти попытки не принесли успеха, против сильной армии шведов.

Затем, по Столбовскому миру со шведами, Русь уступила Прибалтику шведам, чтобы сохраниться как государство, ибо Швеция, вкупе с Польшей, в то время вполне могли договориться о разделе Руси между собой.

Софья, будучи у власти, не решилась на войну со Швецией, полагая, что победы над турками и захват Крыма будут более выгодны Московии, нежели пустынные Прибалтийские земли.

Да, для торговли с Европой, учитывая войны европейцев: Польши, Саксонии, Австрии, Франции и Швеции и Дании между собой, Прибалтика была важна, но традиционная торговля через Архангельск вполне позволяла обмениваться товарами в летнее время, когда Белое море освобождалось ото льдов и иностранные корабли спокойно, в обход Норвегии, совершали плавание на Русский север, загружаясь пенькой, ворванью, мехами, лесом и зерном – традиционными товарами Руси для торговли с Европой.

Кроме Архангельска торговля, в небольших размерах, велась и через незамерзающий зимой порт Мурманск, освоенный поморами задолго до царствования Романовых.

Конечно, продвижение Руси на юг к теплым морям было более выгодно для развития страны и потому с такой настойчивостью все правители от Рюриковичей и до Романовых, пытались отвоевать южные земли, примыкающие к морям Каспийскому, Черному и Азовскому, чтобы на этих землях, по существу ничейных, развивать земледелие, и обеспечить торговлю с Востоком и Западом, оказавшись между ними в случае успеха южных походов.

Петр, следуя традиции, свои первые походы тоже организовал на юг и со второй попытки овладел Азовом, обеспечив России выход к Азовскому морю, через которое, усилившись флотом, обеспечивался выход в Черное море, когда-то называвшееся Русским морем, а теперь ставшее внутренним морем Османской империи, которая захватила все его побережье вокруг.

Однако, вместо того, чтобы развивать успех и с помощью флота, построенного под Воронежем, освободить Крым, который еще во времена Киевской Руси был исконно русским и даже крещение Руси произошло на Крымской земле в Херсонесе при князе Владимире, Петр, забросив все дела, уехал в Европу, где метался из страны в страну, вызывая брезгливость и отвращение своими манерами, замашками и внешностью.

Но европейские правители смогли внушить Петру мысль об освобождении Прибалтики от шведов, обещая, что в этом случае Россия станет европейским государством наподобие Польши, которая в это время находилась на грани развала под ударами шведских войск.

Государи Европы полагали, что Россия должна ограничиться восточной частью Балтии, именуемой Ингерманландией и, возможно, Карелией и Финляндией, которые их не интересовали, а западную Прибалтику: Эстляндию и Лифляндию захватят Польша и Саксония.

Петр проникся идеями своих новых европейских друзей, каковыми считал королей Польши, Саксонии и Дании и возвратившись в Москву и залив стрелецкой кровью половину страны, возвратился к мысли отвоевать Прибалтику у шведов.

С этой целью он окончательно перевел армию на западный манер построения, отказавшись, почти, от стрелецких полков. Основой войска нового вида стали потешные полки Петра: Измайловский, Преображенский и Семеновский, под командованием иностранных офицеров, хотя эти полки и не показали воинской доблести в походах на Азов, но были вполне надежны для расправ со стрельцами и любыми другими смутьянами, не признающих власти Петра и считающих его нехристом и даже исчадием ада.

Сказку о том, что Петр организовал регулярную армию впервые в России, распространяли прихлебатели царя и его зарубежные советники, которые знали, как царь Петр падок на лесть и безудержную похвалу, и делал все возможное, чтобы иноземцы в Москве и в Европе считали Петра европейцем истинным. Еще при царе Алексее русское войско наполовину состояло из полков иноземного строя, служивших постоянно, а не от случая к случаю, как полки стрелецкие. И платье иноземное для этих войск было введено еще при Федоре Алексеевиче, который хотя и правил всего шесть лет, но показал себя вполне разумным правителем, не чуждавшимся новшеств, если считал их полезными для государства.

В конце 1699 года был заключен наступательный союз польского короля Августа с царем Петром против Швеции и по этому договору царь обязался начать военные действия тотчас как будет заключен мир с Османской империей.

Договор этот был тайным, поскольку Петр продолжал уверять шведов, почуявших неладное, в своем миролюбии и поддержке мирного договора, имеющегося со шведами, о чем шведский посланник сообщал, что намерение Петра напасть на Ревель и Ригу, несмотря на то, что возобновленный мир со Швецией, не заслуживает внимания, поскольку царь расположен к миру, несмотря на случившийся эпизод в Риге.

Этот эпизод, оскорбивший царя, случился во время поездки в Европу, когда Великое посольство во главе с Лефортом, где и сам царь Петр был участником, под именем Михайлов, однако все знали, что это царь Петр. Так вот, прибыв в Ригу без предупреждения, посольство в составе двухсот человек и сотен подвод не нашло в Риге достаточного пропитания людям и фуражу коням, поскольку Рига в это время испытывала нехватку продовольствия и не могла в нужной мере обеспечить посольство всем необходимым.

Царь, как всегда, пришел в ярость, но не в силах выместить ее на шведской Риге, затаил злобу, чтобы в дальнейшем использовать это обстоятельство как повод для нарушения мирного договора при нападении на шведские земли.

Его европейские союзники вели себя не лучше, и Польша заключила тайный договор с Лифляндским рыцарством, для совместной обороны, если царь Петр захватив Нарву, будет пытаться овладеть Эстляндией и Лифляндией.

В общем, европейские политики вели себя как пауки в банке, жала и кусая друг друга, но объединяясь и кусая Россию вместе, если она начинала отстаивать свои интересы или пыталась восстановить свои справедливые границы, утраченные в предыдущее времена смуты и разлада в Государстве Российском, когда на престоле оказывались самозванцы и бояре, после того, как царская власть Рюриковичей прервалась на Иване Грозном и его сыне – Федоре Иоановиче.

Но вступать в открытую войну со Швецией, имевшей лучшее европейское войско, царь Петр опасался и выжидал подходящего момента, который по его разумению наступил, когда в Швеции сменился король и вместо умершего Густава на престол вззошел юный Карл XII, продолживший войну против четырех европейских государств.

Петр намеревался напасть на Швецию внезапно и подло: без объявления войны и при наличии мирного договора и это свое нападение царь осуществил вполне успешно.

В ноябре 1699 года «Август (Польский) и Петр I официально оформили военный союз против Карла XII, а через несколько дней «Петровская дипломатия внушает «шведскому посольству, прибывшему в Москву специально для выяснения, что не имеет к скандинавам никаких претензий и будет свято соблюдать условия последнего мира».

Узнав о заключении мира с турками в августе месяце, Петр собирает войско и двигается к Нарве, полагая «ударом в спину воюющего сразу на три фронта соседа (Швеции), в данный момент находящегося аж за морем под стенами далекого Копенгагена, где по всем расчетам войско Карла должно было увязнуть слишком надолго... Против его (Петра) шестидесятитрехтысячного войска в самой Нарве находился крепостной гарнизон:

«Шведский гарнизон Нарвы и Иван-города имел 1,9 тыс. чел» и несмотря на это совершенно не собирался ему сдаваться без боя, чему Петр, придя в Ливонию со своим воинством и был столь поразительно удивлен».

«Петр не просто забрался грабить своего воюющего с коалицией четырех европейских государств соседа, отделенного от него на данный момент Балтийским морем. Сосед же вел затяжную изнуряющую войну на три фронта и не имел никакой возможности в какие-либо даже самые ближайшие месяцы вообще появиться в Ливонии, так как шведский флот был заблокирован англичанами, а потому и должен был стоять в бездействии. Высадке же десанта

в Ливонии к тому же должен был воспрепятствовать участвующий в коалиции воюющих со Швецией европейских держав король Польский и Саксонский – Август».

«Он (Петр) не знал, что условия Травендальского мира, которые должен был принять его союзник (король Датский) были подписаны в тот самый день, когда русская армия тронулась в поход».

Подписав мир, Карл бросается на выручку Нарвы. Воспользовавшись дурной погодой и обманув английский флот, Карл погрузил часть своего войска на суда и высадился в Ливонии.

«Высадка в Ливонии, куда дурная погода помешала привести часть полков, была безумием...»

«Чтобы достигнуть со своими восемью тысячами человек Нарвы, Карл должен был, сделав переход через совершенно пустынную местность, перейти узкую, перерезанную ручьями долину. Если бы она была укреплена, пришлось бы остановиться. Но Карл, продвигаясь вперед, продолжает вести свою рискованную игру. Солдаты изнемогли: лошади не ели два дня».

«Петр не ожидал найти шведского короля в Ливонии. Он предполагал, что ему достаточно долго придется воевать с королем датским. Он весело отправился во главе своей гренадерской роты, рассчитывая на легкий успех. Явившись к городу (Нарве) 27 сентября, он был удивлен тем, что город, по-видимому, приготовился к серьезной обороне».

«Войско, которое решило было начать осаду Нарвы, состояло из трех вновь сформированных дивизий под командой генералов Головина, Вейде и Репнина, из 10500 казаков и нескольких иррегулярных отрядов – всего 63520 человек. Дивизия Репнина, насчитывающая 10834 человека и малороссийские казаки, находились еще в пути, что сводило наличный состав к 40000 человек. Но Карл XII со своей стороны не мог привести осажденному городу больше 5300 пехоты и 3130 конников».

«Кроме того, принужденное идти от Везенберга по совершенно опустошенной стране, отдаленное от своего лагеря и вследствие этого вынужденное нести с собой жизненные и боевые припасы, это войско, очутившись после ряда усиленных переходов перед врагом, в пять раз более многочисленным, оказалось в состоянии полного истощения».

«Узнав о приближении восемнадцатилетнего мальчишки Карла с восемью тысячами, Петр повторяет свой уже испытанный прием: покидает нарвскую армию, как одиннадцать лет тому назад покинул свои потешные войска, – а потешных у него по тем временам бывало до тридцати тысяч. Софья же сконцентрировала против них триста стрельцов».

«Петр вообще был человек очень сильного воображения, чрезвычайной мнительности и опасливости, переходящей в робость и испуг».

«Карл быстро шел к Нарве и утром 19 ноября явился перед русским лагерем, имея около 8500 человек войска и 37 орудий».

«К 19 ноября численность русских войск составила около 35 тыс. чел. (27 тыс. пехоты, 1500 драгун, 6500 полистной конницы) и 173 орудий».

Русская армия была деморализована бегством царя: «Карл проникает в неприятельский лагерь и через полчаса овладевает им».

«Часть русских тонет в Нарве. – Если бы на реке был лед, – сказал Карл насмешливо, – то я не знаю, удалось бы нам убить хоть одного человека».

«Пехота бросилась через мост, мост обрушился, и много народа потонуло в Нарве».

«Победитель так боялся своих побежденных, что за ночь поспешил навести новый мост, чтобы помочь им поскорее убраться».

«Пришлось этой, сорокатысячной толпе соглашаться на любые, самые унижительные условия, выдвигаемые им горсткой шведов, пришедших в свой разрушенный дом. И Петровские птенчики архилюбезно: «согласились отступить, отдавши шведам артиллерию»

«Имея пятикратное преимущество в людях и такое же в орудиях, царская армия позорно сдалась и отступила, оставив орудия шведам и потеряв половину состава».

«Весть о Нарвском разгроме догнала Петра в день, когда он выехал в Новгород» («Вот как неслабо драпанул «великий» от противника впятеро уступающего числом»).

«Узнав о поражении армии под стенами Нарвы, – он переоделся крестьянином, чтобы спастись от следовавшего, как ему казалось, за ним по пятам врага. Царь плакал ручьями и впал в состояние полного бессилия, он готов был принять самые унижительные условия мира».

«Но Карл не погнался за ним не потому, что как-либо сомневался в поистине выдающейся трусости своего оппонента, но вследствие опасения произойти при этом большому конфузу и окажись в том районе перед ним настоящее русское войско, а не Петровское опереточное – ему конец. Тогда вся эта шведская кампания должна была в тот же день победно завершиться; измотанная длительным переходом, горстка отважных шведов просто не могла бы не стать легкой добычей поджидающего его прихода огромного воинства Петра. И отважный король должен был оказаться в плену».

Тогда всей войне пришел бы конец. Но такого конца, при убежавшем еще до сражения царе Петре не случилось, и война потом продолжалась еще двадцать лет.

«Поражение полное. Честь погибла среди насмешливых кликов Европы, приветствовавшей это поражение без боя, – а монарх бежал!.. Завоевательные планы... мысли о славе и цивилизаторской миссии, – все рушится! Он продолжает бежать. Не преследуют ли его шведы? Он плачет и хочет заключить мир, мир немедленный и купленный какой бы то ни было ценой. Он обращается с жалобными просьбами к Голландским Соединенным провинциям, к Англии...»

«Страх побудил царя лихорадочно искать выход с помощью дипломатов. Прося выступить посредниками в переговорах о мире Англию, Францию, Голландию и Австрию. Однако все предложения Петра (причем на самых заманчивых для Стокгольма условиях) шведский король отклонил».

«Он, судя по всему, уже прекрасно тогда понимал, что с таким плутом, как Петр договариваться не о чем: он один раз такой договор уже нарушил, подло ударив в спину, нарушит все договоры иные. Потому, не договариваться с ним следует, но бить, что есть сил.

Так, собственно, Карл впоследствии и действовал: бил петровских бандитов где только мог».

А почему бандитов? Да потому, что за два месяца осады Нарвы петровские войска полностью опустошили Ливонию по указу Петра: «деревни выжигались полностью. Пойманные... поголовно уничтожались. Причем, преимущественно зверскими методами»

«Не осталось целого ничего: все разорено и пожжено; и взяли твои государевы ратные люди».

«ели и пили всеми полками, а чего не могли поднять, покололи и порубили».

«вслед за военными дозорщиками рыскали стаи волков, почуявших себе добычу»

«кругом небосклона встали огненные столбы: это были зарева пожаров. Из тишины ночи поднялись вопли жителей: ограбленных, лишенных крова. Таков был способ воевать, или лучше сказать, такова была политика, делавшая из завоеванного края степь».

Карл, видя такое опустошение Прибалтийских земель, повелел бить петровских разбойников, а если при войске был сам царь Петр, то следует наступать на него даже одним полком: Петр обязательно убежит еще до первого орудийного залпа, а за ним побежит и все его войско приученное грабить безоружных жителей и опустошать земли, но вовсе не желающих воевать с вооруженным и обученным войском шведов.

Царь бежал из-под Нарвы в простой кибитке, окруженный несколькими гвардейцами, среди которых был и Меншиков, и сопровождаемый несколькими ближайшими слугами, включая золотаря Федора. Ему, впрочем, свои обязанности выполнять не приходилось несколько дней до приезда Петра в Москву: в пути Петр обошелся без его услуг, напиваясь до мертвецкого состояния, и справляя нужду как попало и где попало.

В Москве, убедившись, что король Карл не преследует его, а возвратился в Польшу, где Швеция включилась в борьбу за испанское наследство, а именно, представитель какой-то династии будет испанским королем: от Франции, Австрии, Саксонии или Польши, Петр пришел в себя и представил поражение под Нарвой в следующем виде: мол, поначалу русские войска теснили шведов, которые «шведы видя свою беду, троекратно присылали трубача с предложением перемирия; договор был заключен, но на другой день, когда русские полки один за другим стали переходить через Нарову, шведы бросились на них, вопреки королевскому слову и все разграбили, захватив оружие и артиллерию».

«В ожидании шведского вторжения Петр I приказ превратить в выжженную пустыню все приграничные провинции... Царский указ исполнили очень добросовестно», а проживали в тех провинциях русские люди, следовательно, Петр действовал по принципу: «бей своих, чтобы чужие боялись».

Потому Петр повелевает войскам: «идучи дорогою, провиант и фураж, также и скотину, лошадей, волов и овец забирать с собою сколько возможно, и чего невозможно, то провиант и фураж жечь».

«Отступать, прикрываясь выжженной пустыней».

Все эти дни после поражения под Нарвой Петр, находясь в страхе от случившегося, заливал свой страх выпивками в Немецкой слободе, появляясь в Преображенском в самом непотребном виде, так что Федору приходилось вместе с камергерами разоблачать царя до полной наготы, чтобы сменить белье, ибо упившись, царь страдал недержанием.

Недели через две, окончательно поверив, что король Карл не воспользовался случаем, чтобы низложить Петра, наказав его за вероломное нападение и за проявленную при этом трусость, царь, наконец, вышел из состояния беспробудного пьянства и занялся наведением порядка в своей свите, среди которых начался разброд и шатание после поражения от шведов.

Порядок царь Петр наводил привычным способом: через казни и порки, устрашая этим всех несогласных с царским поведением.

Первым делом следовало восстановить армию после позорного поражения и царь приказал все войска перевести на иноземный строй, исключив стрельцов и организовав набор рекрутов по царской разнарядке, обложив этой податью все селения, деревни и городских жителей.

Отсутствие реальной угрозы своему царскому положению от шведов взбодрило Петра, который еще несколько дней назад молил европейских правителей выказать ему милость и убедить шведов не вторгаться в Московию, а взамен Петр был готов сделать любые уступки шведам, вплоть до отдачи северных земель, включая Архангельск.

Многие правители Европы с радостью встретили весть о поражении царя Петра от шведов, рассчитывая, что Карл продолжит наступление шведов на Московию и тем самым освободит Европу от присутствия своих войск. Поэтому просьбы Петра остались без ответа.

Но чем дальше от позора поражения под Нарвой, тем смелее становился Петр, возвращаясь к привычному образу жизни, то есть к дневной муштре своих гвардейцев в Преображенском и к вечерним разгулам в Немецкой слободе, где многие жители собирались бежать из Московии опасаясь, что чернь, взроптавшая после поражения царя под Нарвой, учинит погромы в Москве.

Когда царь возвращался из слободы, иногда с немецкой девкой, готовой ублажить Петра за золотые дукаты, Федор, выполнив свои обязанности уходил из спальных покоев Петра и отыскав истопника, присоединялся к нему, помогая в печном деле: стояли крепкие морозы и истопнику приходилось топить печи не только утром и на ночь, но частенько и днем, чтобы во дворце было тепло: известно всем, что царь Петр, имевший басурманскую кровь, не мог терпеть холодов, столь привычных русскому человеку.

– Что ты думаешь Аким, о нашем поражении под Нарвой, – спросил однажды Федор истопника в минуты отдыха возле топившейся печи.

– Тут и думать нечего, – ответил Аким, как всегда неподвижно глядя на языки пламени в печи, словно ожидал, что огонь сообщит ему что-то важное, главное, что изменит его жизнь. – Войско без головы – это стадо баранов: куда самый трусливый баран метнется, туда и все стадо будет ломиться. Я такое видывал во время Чигиринского похода, где наши вожаки тоже оплошали, что позволило туркам разгромить нас в пух и прах. Царь Петр, по твоим словам, Федор, убежал прочь от войска, которое и ломанулось за ним следом, словно те бараны.

Отсюда и поражение войска царского от малочисленного шведского войска. Такого раньше не бывало, чтобы русские терпели поражение от противника, уступающего нам в числе. Думаю, что и далее так будет, если не объявятся умелые и смелые вожаки войска русского. И вожаки эти должны быть из русских: иностранные наемники, по себе знаю из воинского опыта, всегда празднуют труса, если грозит им сражение. И то сказать: зачем подставлять свою голову, хотя и за деньги, ради чужого племени. А мы, русские, всегда будем чужими и немцам и басурманам, как бы они не назывались и откуда они бы не приходили на нашу землю.

– Спасибо, Аким, за мудрое слово, а то я никак в толк не мог взять: как так получилось, что наше войско, будучи впятеро больше шведского и при множестве пушек, вдруг поддались каким-то шведам и не просто поддались, а позорно бежали, побросав ружья и пушки.

Ладно, Аким, пойду-ка я взгляну, не надобен ли царю. Войска разбили, а царь наш гуляет и девок пользуется, будто ничего не случилось. Верно говорят, как с гуся вода, – сказал Федор, и вдруг перекрестившись, добавил: – прости меня, Господи за эти слова мои неразумные.

Сказав это, Федор ушел прочь, оставив Акима возле печи, все также неподвижно глядевшего на затухающие угли в печи.

После Нарвы

Карл XII после Нарвы, вернулся в Польшу, где ввязался в Европейскую междоусобицу по испанскому наследию.

Карл принуждает короля Августа к отказу от польской короны и ставит своего короля Лещинского. Похваляясь, Карл говорит, что и с Московским царством он поступит точно так и поставит царем своего – Собесского. Эти намерения шведского короля подвигают Петра на решительные действия по сохранению своей царской власти, ибо в противном случае с ним поступят точно так, как всегда поступает он со своими врагами и недоброжелателями, то есть казнят за все его деяния.

Почему король Карл XII не воспользовался победой над Петром под Нарвой и не принудил его к унижительному миру остается неизвестным: шведский король оказался хорошим полководцем, но плохим политиком.

Ввязавшись в европейские свары вокруг испанского наследства, и желая личной мести королю Польскому и курфюрсту Саксонскому Августу, шведский король Карл XII упустил возможность полной победы над царем Петром, оказавшимся полным трусом, неспособным к воинским сражениям.

Воспользовавшись отсутствием шведского короля на Прибалтийских землях, Петр поручил ведение боевых действий своим генералам Шереметьеву, Шеину и Огильви с наказом опустошить все побережье, что они старательно исполняли.

Через год после Нарвы Шереметьев разбил шведского генерала Шлиппенбаха при Эрестфере, за что был произведен в генерал-фельдмаршала. Затем Шереметьев повторно разбил шведского генерала, вынудив его отступить из Лифляндии, которую фельдмаршал начал методически опустошать. Так были разрушены многие города, в числе которых оказался и Мариенбург, где некая служанка Марта Скавронская оказалась солдатской добычей и месяцы провела под телегой, используемая солдатами по очереди.

Затем были взяты Дерпт, а Нарву взял фельдмаршал Огильви, который после Нарвы вышел из русской службы, но потом снова поступил в нее, поскольку нигде так щедро не платили иностранцам за воинскую службу, как при царе Петре.

В Ингерманландии действовал генерал Апраксин, который столь же успешно опустошал эти земли, что и Шереметьев в Лифляндии. Русские войска вышли к устью реки Невы, где находились две небольшие шведские крепости Нотебург и Ниеншанц. Нотебург был взят в присутствии Петра, который тут же переименовал Нотебург в Шлиссербург, затем отпраздновав взятие этой крепости торжественным входом в Москву с устройством триумфальных ворот.

Затем Шереметьев взял Ниеншанц и тотчас появился Петр, осмотрел устье Невы сказал, что здесь будет город заложен для торговли с Европой, и объявил, что «Первому шкиперу, явившемуся в «этой морской гавани будет выдано сто червонцев».

Война со Швецией, ведущаяся уже несколько лет, требовала громадных расходов и множества людей для военной службы.

На крестьян и посадских были наложены новые подати, также налогами были обложены монастыри.

Объявляется рекрутский набор в армию. «когда в губерниях рекрутов соберут, то сначала из домов их ведут скованных и, приведши в города, держат в великой тесноте по тюрьмам и острогам...»

«захватив рекрута делали на кисти правой руки татуировку»

«Изобретением Петра было «... клеймить своих подданных как скот...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.